

ОДНАЖДЫ

ОТКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ СКВОЗЬЗАКРЫТЫЕ ВЕКИ

.

«Все истины, которые я хочу
вам изложить, - гнусная
ложь».

К.Воннегут,
«Колыбель для кошки».

«Настанет день, когда у руля
Станут философы.
Приближается царство
ума».

Вольтер - Даламберу.

1

«Однажды...». Все начинается и все оканчивается этим таинственным, этим
обыденным словом: ветер, море, звезды, любовь и все остальное.
А «суть»? Разве она сама – не синоним множества изначальных «однажды»?

2

Однажды я понял, что на самом деле «однажды» и было тем самым словом, о
котором писал Иоанн, хотя, думаю, начала начал не было никогда.

3

На самом деле Законы природы – ее Запреты, похожие на Уголовный кодекс,
незнание которых от ответственности не освобождает, а знание дает нам
возможность обойти их не раз.

4

На самом деле человек бредет и бредет наощупь к прозрению, чтобы убедиться в собственной слепоте.

5

На самом деле ой как трудно достигнуть цели! Но и достигнув, не спеши радоваться, Сизиф.

6

На самом деле обо всем вышесказанном судить со знанием дела лишь тот может, о ком кое-кто говорит, что и нет его вовсе.

7

Никаких «на самом деле» на самом деле в природе не было и нет, утверждает в своей «Инерции страха» В.Ф. Турчин. Значит, на самом деле и он неправ.

8

Однажды М.М., руководитель Лаборатории травматического шока, где я некоторое время работал инженером, попросил меня перевести с французского стихи знаменитого поэта-философа, что я и сделал с удовольствием (по подстрочнику):

Нет и в бездне нового пути.
Незачем лететь в беззвучный мрак,
Чтоб в бесплодной Вечности найти
Лишь все то, о чем ты знал и так.

9

Однажды я вспомнил, что впервые увидел себя со стороны не в виде отражения в зеркале, луже или оконном стекле, не на фотографии, а живьем, глядя из-под потолка. Мои глаза почему-то оказались там и смотрели оттуда на меня же, полуторагодовалого малыша. Я стоял на полу - привязанный шнуром от электрического утюга к тяжелому стулу - и орал от унижения и невозможности освободиться.

По словам мамы, я жил в то время у ее родственников в Зенькове Полтавской области, куда она меня отправила летом 1948 года на пару месяцев. Конечно же, ни о каком привязывании к стулу она ничего не знала.

Потом такое «смотрение» на себя со стороны со мной случалось не раз.

10

А вот что со мной приключилось в том же Зенькове двумя годами позже. Однажды мне пришло в голову добыть себе молока. Я уже видел, как доит корову баба Маруся (так я звал мамину тетку) и решил попробовать сам: подлез под брюхо теленка и дернул за то, что висело у него между ногами. Так, получив от юного бычка весьма чувствительный удар копытом в грудь, я начал постигать, чем мужской пол отличается от женского.

Позже этот эпизод вошел в мою пьесу «Номарано».

11

Ох, уж этот Зеньков! Именно там, в небольшом одноэтажном домике бабы Маруси и деда Васи, я как-то обнаружил возле своей кровати маленького полосатого котенка с крошечной пролысинкой за левым ухом. А когда родители приехали, чтобы увезти меня с собой в Харьков, они заметили такую же пролысинку и на моем затылке. Помню радостный возглас профессора из Медицинского института, показывавшего мой лишай студентам: «Смотрите, у этого мальчика самая настоящая парша! Стригуший лишай! Сегодня это редкость! Лечить будем с помощью новейших технологий». Потом мою голову подсунули под какую-то трубу. Через день манипуляцию повторили, и у меня стали выпадать волосы, то есть стало происходить то, чего профессор и добивался. Спустя много лет я узнал, что был в своем пятилетнем возрасте подвергнут интенсивному рентгеновскому облучению, от которого на некоторое время совершенно облысел. В том, 1952-ом году, мало кто из харьковских медиков знал, что полученная мной доза в 400 рад превышает предельно допустимую в восемьсот раз и вызывает тяжелую форму лучевой болезни. Но вандалическое лечение прошло вроде бы без осложнений.

12

Ангелам-хранителям многое под силу. В том числе и защита своего подопечного от удара копытом, от радиации. Вот почему мне так близок тост, произнесенный однажды моей пятнадцатилетней дочкой Инной: «Так выпьем же за здоровье наших ангелов-хранителей. Им надо помогать. Их надо любить. Ведь иначе они могут и не справиться».

13

Не знаю, входит ли в обязанности ангела-хранителя возмездие. Он ли мстит моим обидчикам, или кто другой, не знаю. Но то, что какая-то неведомая сила делает это регулярно, изобретательно и беспощадно (и безо всякого участия с моей стороны!), у меня сомнения не вызывает.

Так, однажды я с удивлением узнал подробности ужасной смерти моего недруга, доцента Б., постоянно издевавшегося надо мной на экзаменах в университете и виновного в том, что по окончании физического факультета я, хорошо успевавший студент да к тому же еще и отец грудного ребенка, ни с того, ни с сего был призван, в отличие от всех моих соучеников по учебной группе, на армейскую службу. Как выяснилось позднее, в тот день, когда я был далеко-далеко от своего родного города и проводил учебные стрельбы с подчиненным мне взводом на зенитно-артиллерийском комплексе С - 60, доцент Б. готовился отмечать свой день рождения. Гостей он усадил за празднично накрытым столом, а сам выскочил на минутку во двор – вынести мусор. Его ждали долго. Больше часа. А потом нашли мертвым. Он лежал лицом вниз в зловонной куче пищевых отходов, приготовленной дворниками к вывозу.

14

В другой раз я ощутил присутствие своего Хранителя еще сильнее. Это случилось под вечер неподалеку от дома «Слово», в котором живу в Харькове с самого рождения. Помню, на мне был белый спортивный костюм и мы с Кимом, моим щеголеватым платиново-розовым пуделем, вероятно, неплохо смотрелись со стороны на фоне кустов расцветшей сирени. Впрочем, зрителей не было. И потому я сразу же обратил внимание на быстро приближающегося мужчину. Когда расстояние между ним и нами сократилось метров до пятидесяти, тот вдруг громко и злобно выругался. Я глянул по сторонам, чтобы понять, кому сие предназначалось, но никого не заметил. Он снова грязно ругнулся и крикнул мне: «Убью!», «Давить вас всех надо!». Что было делать? Вариантов не так уж много: бежать или драться. То, что он был явно мощнее меня, стало ясно с первого же взгляда на его высокую мускулистую фигуру, на бычью шею, на огромные кулаки. Но так как о позорном бегстве даже думать было противно, то пришлось выбрать драку. Странно, но тех нескольких секунд, что оставались до встречи с ним, даже хватило на составление некоторого плана действий.

Пьяный? Вроде бы нет. Не шатается. Прет быком. Зло просто хлещет из него фонтаном. А, значит, невнимателен, и его надо попытаться обмануть. Первым бью я. Как только подойду впритык. Без предупреждения. Изо всех сил.левой в печень, а затем, когда согнется, правой в горло. Потом коленом в пах. Дальнейшее представлял себе неясно. Но помню, как успел подумать, что Ким в случае чего уже приучен, слава Богу, возвращаться домой сам, что мой белый тренировочный костюм будет трудно отстирать от крови, что

через полчаса ко мне придут гости, а я их встречу, так сказать, в не совсем приглядном виде... Однако все почему-то вышло по-иному. На расстоянии нескольких метров от этого амбала, продолжавшего с ненавистью орать на меня, я вдруг ощутил в себе нечто, позволившее сказать ему очень тихо, спокойно и убедительно, глядя снизу вверх прямо в белесые от ярости глаза: «Уйди. Понял? Пошел вон». Он остановился, как будто наткнулся на стенку, замолк на середине очередного матерного слова, затем резко развернулся и, тихо бормоча что-то неразборчивое, ушел. Костюм чистить не пришлось. Алина, мой эксперт-эзотерик, говорила, что видит, как Ангел-хранитель прикрывал меня в тот момент щитом. Меч не понадобился.

15

Ничего случайного на свете нет.

16

Да, на свете нет ничего случайного. Не я первым это сказал, но когда сам понял, что это действительно так, то был поражен, что раньше не замечал такой очевидной истины.

17

Раньше я не замечал и того, что очевидное маскирует истинное. А когда осознал, перевел эту свою максиму на латинский язык и сделал ее девизом: APERTUM OCCULTAT VERUM.

18

Как-то прочитал о мухе, которая как только наступает время производить на свет потомство, находит себе подходящее болотце и начинает прогуливаться вблизи него с набитым яйцами животом. Ходит она ходит, пока лягушка не углядит ее, наконец, и не отправит себе в рот длинным липким язычком. Неподвижных предметов лягушечьи глаза вовсе не замечают.

Но неужели же муха все это нарочно затевает? Зачем? Неужели, чтобы деток своих похоронить? Вот именно, что нарочно! Но не хоронить она их хочет, а прокормить, вырастить, поставить на крыло. И ради этого жизни своей не жалеет.

Сначала из мушиных яиц внутри лягушки, в тепле и влаге, получаются личинки. Потом они ползут. И не куда попало ползут, а все вместе, подчинясь некой общей программе, движутся по направлению к пазухам, расположенным в носу у этого живого инкубатора. А когда соберутся вместе, обоснуются там, то начинают долгий пир, употребляя владелицу носа в качестве пищи, отчего лягушка, конечно, постепенно теряет силы, а затем и вовсе гибнет. Личинки же в это время крепнут, превращаются в мух

и вылетают на волю, к травке, к солнышку, где справляют свои веселые мушиные свадьбы и набивают брюшки яйцами...И все начинается снова.

19

Случайностей нет. Все происходит зачем-то. И это очевидно.

20

Интересно, по какому пути покатила бы моя жизнь, если бы в самом ее начале близорукая медсестра из роддома, где я родился, не нацепила в нужный момент очки? Об этом я однажды подумал, когда шел уже в достаточно зрелом возрасте на встречу с бывшими одноклассниками. Собственно, мысль эта возникла в голове из-за Сашки, моего друга, которого я уже не мог увидеть никак. Вдруг вспомнилось, как 1 сентября 1962 года мы с ним «совершенно случайно» оказались сидящими за соседними столами в новой для него, для меня и, по крайней мере, еще для нескольких десятков юношей и девушек, школе. Директор и завуч 36-й одиннадцатилетки повыдергивали нас, умников, окончивших с хорошими отметками восьмой класс и интересующихся физикой и математикой, из разных школ Дзержинского района, чтобы поднять престиж своей, не иметь проблем с двоечниками, и чтобы через три года учебы выпустить толковых ребят с квалификацией «физик-лаборант». Так оно и случилось впоследствии, хотя, насколько мне известно, никто из нас после школы ни одного дня лаборантом так и не проработал. Все без исключения поступили в институты, в университеты. И многие со временем стали настоящими учеными. В том числе и мой Сашка. Но тогда, осенью 62-го, он еще не занимался компьютерной наукой, а был просто умным еврейским мальчиком, с которым мы всего через два-три дня после знакомства обнаружили необыкновенно большое сходство во взглядах на многие важные вещи. Нам нравились (и не нравились) одни и те же преподаватели, одни и те же книги, фильмы, концерты, вина, одни и те же девочки. Как-то раз он спросил, не Наташей ли зовут мою маму. Я сказал, что да. Тогда он посоветовал мне не падать в обморок и рассказал историю, услышанную от своей матери, про двух молодых женщин, Наташу и Лизу, познакомившихся друг с другом в роддоме. Обе только что произвели на свет мальчиков. Обе не могли нарадоваться, глядя на своих первенцев, прекраснее которых, конечно же, не было никого на свете. И обе пришли в дикое негодование, когда медсестра, зайдя в их палату, подала каждой не ее красавца, которого та уже целых три дня кормила грудью и успела полюбить, а другого, соседкиного, то есть, по их мнению, куда более невзрачного ребенка. Оказалось, что меня и Сашку перепутали из-за расплывшихся и оттого плохо читаемых надписей на бирочках, привязанных к запястьям. На ножных же кусочках клеенки медсестра с помощью очков фамилии детей, наконец, разобрала и справедливость восстановила. Вот так, спустя четырнадцать лет после того

казуса, и выяснилось, что наши матери, Наташа и Лиза, опять-таки, казалось бы, случайно, сделали из нас с Сашкой ни много, ни мало, а самых настоящих молочных братьев, разлучить которых могла только смерть. Что в конце концов и произошло.

21

Передо мной тонкая, еще нечитанная книжка в плотном переплете. На название не обращаю внимания, а может, его и нет вовсе. Медленно раскрываю и сразу же, на первой же странице, вижу цветную картинку. То есть текст там тоже есть, черным по белому, крупным шрифтом, но я смотрю не на него, а на то, что изображено в прямоугольнике над ним. Что-то удивляет и радует, но сразу не пойму, что именно. По-весеннему свежезеленый лиственный лес, перед ним овраг, поросший луговыми цветами. Над ним – сине-голубое небо с медленно плывущими редкими облачками. Легкий ветерок колышет высокую траву и покачивает ярко оранжевую головку одуванчика, отчего тот время от времени касается нижней границы рисунка... Рисунка? Но какой же это рисунок, если здесь все живое, или ПОЧТИ живое! Трава, тучки, одуванчик. А вот и пчела зависла над цветком перед тем, как решиться совершить посадку на него. Я листаю книжку, радуясь все новым и новым картинкам, на которых беззвучно ходят люди, летают птицы, текут реки... Впервые такой сон я увидел в восьмилетнем возрасте в Карлсхорсте, пригороде Берлина, куда был командирован мой отец, и куда, соответственно, он вызвал нас с мамой из Харькова. Потом чудо-книжка снилась мне в течение многих лет. Последний раз я ее разглядывал уже тогда, когда весь мир был наполнен цветными мониторами персональных компьютеров. А электронные книжки, с дисплеями толщиной в доли миллиметра, уже начинали упоминаться на сайтах крупных фирм, занятых разработкой высокотехнологичной продукции, в качестве перспективных проектов. Тогда же, в Германии 1957-го года, я даже не знал, как выглядит телевизор. А компьютеров вообще не было.

22

Однажды на вступительном экзамене (по русскому языку и литературе) на физический факультет Харьковского университета, решив писать сочинение не о роли КПСС в не помню уже сейчас в чем именно, не о соцреалистическом романе Горького «Мать», а на вольную тему «Почему я решил стать физиком», я попытался представить себе безвременность и бесконечность. Просто каждый элемент нашего пространства является целой вселенной для существ из микромира, а то, что мы зовем Вселенной, – всего лишь точка в мегамире, обладающая свойствами «элементарной» частицы, атома, или даже молекулы. И так далее, и так далее, и так далее... Но даже в мыслях мне было невозможно отказаться от примитивного атеизма,

впитанного из окружающей среды. А ведь это соединение и переплетение разномасштабных систем, неразрывно связанных между собой причинно-следственными отношениями, хоть и неохватимое моим разумом, должно же кем-то созидаться, управляться, осознаваться.

23

Подумать только! Даже в студенческие годы, я, безграмотный недоучка, вполне серьезно осмеливался свысокаглядеть на И. Ньютона, А. Эйнштейна, И. Павлова и на других гениев, только потому, что они веровали вустаревшего, с моей точки зрения, Бога, а я нет! стыдно и сегодня! Но зачем мне был дан такой опыт? Впрочем, ответ сам напрашивается. Для очищающего чувства стыда и дан. И еще для скорейшего созревания внутри себя формулы, которую как-то озвучил Сократ: «Знаю, что ничего не знаю».

24

Теперь я уже твердо знаю, что ничего не знаю. Но почему я почти горжусь этим?

25

Мы с женой любим путешествовать, хоть сейчас делаем это очень редко. В тот раз наш путь лежал в Крым. Я сидел за рулем новенького, недавно купленного «Запорожца», о котором острословы всего Советского Союза сочиняли несметное количество анекдотов, издеваясь над его тесным салоном и шумным малосильным мотором. «Почему в «Запорожце» не слышен двигатель? – Потому что уши коленями закрыты» и т.д., и т.п. Оля дремала рядом, а обе дочки крепко спали на заднем сидении. Несмотря на свой крохотный водительский опыт, я вел машину по трассе Харьков – Симферополь быстро и уверенно, стараясь не плестись за тихоходными грузовиками и автобусами. Был длинный раздражающий подъем. Впереди на небольшой скорости тяжело дымил МАЗ, груженный огромными автопокрышками. Глянув в зеркало заднего вида, я заметил мотоциклиста, чуть ли не вплотную прижавшегося к моему бамперу. И хоть парень в шлеме явно не собирался чересчур долго дышать выхлопными газами «Запорожца», идти на обгон он пока не решался. Решился я. С включенной четвертой передачей мой автомобиль был способен разогнаться на подъеме километров до восьмидесяти в час, что, по-моему, было вполне достаточно для задуманного маневра. Выжав педаль газа до упора и медленно набирая скорость, я полз вдоль левого борта МАЗа. И тут, метрах в ста от меня, откуда-то из-за горизонта вдруг вынырнул грузовик. Мы шли с ним лоб в лоб. Шоссе было без обочин и настолько узким, что втроем - «Запорожцу» и двум грузовикам - разойтись почти невозможно. До неминуемого столкновения оставалось всего несколько секунд. Две или три. За это время я просто не мог успеть завершить обгон и занять правую полосу движения.

Влево ехать вообще некуда: глубокий кювет. Резко тормозить – тоже поздно. К тому же сзади прилип, это я помнил прекрасно, парень на мотоцикле. То же, что случилось потом, походило на киносъемку в «рапиде», когда всё в кадре движется не как в жизни, а плавно, замедленно. Не спеша, как будто следуя некой инструкции, и почему-то не испытывая никакого страха, я перешел на более мощную, третью, передачу. От этого приемистость мотора заметно выросла. Немного увеличил скорость. Подняв глаза на зеркало, убедился в безопасности мотоциклиста. Потом притормозил немного и слегка повернул руль вправо, доведя зазор между «Запорожцем» и МАЗом всего до нескольких миллиметров. А как только задний борт его кузова появился перед глазами, резко газанул и, крутанув вправо руль, спрятался за грузовиком. И в этот самый момент встречный автомобиль, едва не зацепив мое боковое зеркальце, с ревом промчался мимо. Мотоциклист ткнулся колесом в бампер «Запорожца», но в седле удержался, не упал.

— Что-то случилось? – испуганно спросила жена.

— Все в порядке, - ответил я.

Не знаю, как все это удалось мне успеть, но убежден, что ни двух, ни трех секунд хватить не могло. Кто-то или что-то растянуло мое время раза в три или четыре.

26

Однажды я убедился в принципиальной возможности укорачивать и удлинять время, хотя и не знаю, как именно это надо делать.

27

Впервые мне удалось заметить непостоянство скорости течения времени еще за несколько лет до того, как я убил ската в небольшой бухточке около города Черноморска, отчего и прекратил навсегда подводную охоту. Иными словами, этот вид развлечения мне еще очень нравился, когда попросив жену погодить с обедом и подождать меня с полчаса на пляже небольшого приморского поселка, я натянул на ноги ласты, взял в руки свою самодельную острогу - заостренный металлический прут с резиновой петлей на конце - и поплыл в море, высматривая через стекло маски подходящую цель. Прозрачность воды была достаточной, чтобы видеть на глубине восьми-десяти метров сверкающих в солнечных лучах ласкириков, разноцветных зеленушек, чернохвостых морских ласточек и роющихся в песке усатых барабулек. Но не они интересовали меня. Мне хотелось подстрелить к обеду скорпену, безобразную с виду, с ядовитыми шипами на спине и хвосте, но зато очень хорошую на вкус. Поднырнув под огромный валун, искомой добычи я не нашел, однако в расщелине между зелеными от водорослей камней обнаружил вполне подходящую с гастрономической точки зрения замену: двух крупных окуней. Они равнодушно глянули на меня и, медленно развернувшись, скрылись в роскошном гроте. Так началась охота, во время которой мне пришлось несколько раз нырять то к одному

входу в тот грот, то к другому, стараясь угадать ход рассуждений изобретательных полосатиков. В конце концов, игра в кошки-мышки им окончательно надоела, и они быстро и решительно ушли на глубину, где охотиться за ними было еще труднее. Слегка подустав и сообразив, что полчаса, наверно, уже истекли, я поплыл к берегу. На пляже никого, кроме жены, почему-то не оказалось, хотя еще недавно он был переполнен отдыхающим людом. Ни одного зонтика! Ни одного роющегося в песке ребенка! Увидев меня, Оля заплакала.

— В чем дело, - растерянно спросил я?

— Они сказали, что ждать уже бесполезно, но я все равно ждала, - сказала она. — Знаешь, сколько тебя не было?

— Полчаса, - сказал я. — Ну, может, минут сорок.

— Тебя не было четыре с половиной часа!

Вот так я и узнал, что в воде мое время иногда идет быстрее, чем на суше.

28

Почему, оглядываясь в прошлое, нам иногда становится совершенно очевидной закономерность в последовательности событий нашей жизни, а иногда - нет? Может, потому, что оглядываться имеет смысл не по пути к какой-либо вершине, когда более всего смотришь как бы не оступиться и не сорваться вниз сию секунду, а уже стоя на ней?

29

О своем давнем прошлом я узнал однажды от человека по имени Сергей. Он сообщил, что мы с ним из одной команды и прибыли на Землю (где-то в район нынешней Мексики) много столетий тому назад с одной очень далекой планетной системы. Правда, мой новый знакомый не сразу стал пугать такими откровениями. Когда он, совершенно неизвестный мне прежде, впервые позвал меня к телефону, то просто попросил помочь поставить диагноз его приятелю. Позже он признавался, что вспомнил о нашей с ним команде, прослышав о моей способности дистанционно диагностировать биополевую оболочку человека в режиме online, то есть «сейчас-на-сейчас», и на любом расстоянии. На вопрос, кто ему об этом сказал, отвечать не стал. Сказал только, что надо встретиться. С тех пор мы виделись с ним довольно часто. Приходил он без приглашения, чаще всего рано утром. То ему необходимо узнать мое мнение о работе чакр некоего человека, чью фотографию он приносил с собой, то просит сходить с ним в больницу (с той же целью), где лежал кто-нибудь из его знакомых. А иногда, придя ко мне безо всякого видимого повода, сидя за чаем с шоколадными конфетами, которых мог сжевать своими гнилыми зубами любое количество в один присест, он просвещал меня относительно особенностей тонкого мира. От него я услышал и о беспрестанно идущих там войнах, в которых, оказывается, мы все вольно или невольно принимаем участие, и о том,

например, что в районе моей квартиры – в ином измерении – есть невидимая для обычных землян библиотека.

Кто он, несчастный безумец или в самом деле тот, за кого себя выдает? Мне хотелось это выяснить. Может, мы и впрямь когда-то летали с ним среди звезд?

30

Однажды, когда я работал руководителем кинолаборатории Министерства электротехнической промышленности СССР, мне попала в руки книга с комментариями Библии. Раскрыл ее. Надо же было как-то отвлечься от бесконечных роторов, статоров и линий их автоматической намотки. Листаю толстую книжку, и на одной из страниц взгляд мой останавливается на тексте, в котором говорится, что в геене огненной будет тот мучиться, кто хоть раз обругает кого-либо сумасшедшим. Не скрою, тогда я не очень-то понял, почему Бог грозит такой суровой карой всего-навсего за не слишком резкую, с моей точки зрения, брань. Но был тем не менее поражен, что слова эти случайно попались на глаза всего через несколько минут после того, как один из сотрудников назвал меня ненормальным. Он узнал о моем решении уйти работать на телевидение, где платили очень мало, раза в два меньше, чем давали здесь. С ним я не был согласен. Скорее это он, думал я, сошел с ума, если, хорошо зная меня, может предположить, что моя основная цель – деньги.

31

Однажды и до меня дошло, что, во-первых, случайностей не бывает вообще. А во-вторых, что почти все проблемы объясняются отсутствием общепринятых определений общеупотребительных терминов. Знаю, об этом говорил еще Декарт. И, конечно же, не только он: «нет и в бездне нового пути...». Для врача слово «сумасшедший» - диагноз. Оно же - на языке улицы - ругательство. А я теперь называю его синонимом очень ценимых мною слов «инакомыслящий» и «диссидент» и этим самым объясняю себе, почему Господь благоволит к юродивым. Разве Иисус Христос, несший человечеству знание о его высшем предназначении, о его роли во Вселенской Программе не был в глазах иерусалимской толпы просто сумасшедшим, страдающим манией величия?

32

— Как ты думаешь, кто он на самом деле? – спросил я о Сергее своего знакомого по имени М., который славился способностью видеть события далекого прошлого.

— Мощный движок.

— Какой еще движок?

— Неважно какой. Авиационный, например, - сказал М. – Представь себе огромный двигатель с тягой в сотни или даже в тысячи тонн. Он хочет летать. Но как? Ведь у него нет ни шасси, ни крыла, ни рулей, ни навигационных приборов, - ни-че-го! Понимаешь, зачем ему нужны такие, как ты?

— Исполнять функцию крыла?

— Ты, скорее, подходишь для роли радиолокатора, - улыбнулся он.

33

Гений с позиции толпы – заумный чудаки, юродивый, исключение из правила. Примерно такое же отношение у толпы и к святым. Не секрет, что, несмотря на славу, в конце концов приходящую к ним (чаще всего посмертно), мало кто хочет быть похожими на этих белых ворон. Кого в самом деле прельщает судьба умерших в нищете Бетховена и Ван-Гога, сожженного на костре Джордано Бруно, зарезанного Пифагора, отравленных Моцарта и Сократа, затравленных Пушкина и Шевченко, зарубленного Александра Меня, застреленного Мартина Лютера Кинга или, наконец, самого Иисуса Христа, распятого на Голгофе? Многие из нас, почему-то считая себя эталоном нормы, совершают тяжкий грех и зовут сумасшедшим того, кто не вписывается в ее границы, того, кто, имея глаза и уши, не только смотрит и слушает, а может видеть и слышать нечто, большинству людей недоступное. И гениев, и святых я определяю как людей с более высокой по сравнению с другими «духовностью», то есть обладающих возможностью напрямую обмениваться информацией с высшими уровнями пирамиды управления Вселенной. Но если последние служат исключительно Жизни и для этого, говоря языком Святого Писания, собирают, а не разбрасывают камни, совершают Добро, то первые, гении, с успехом делают и то, и другое. Зло, ведущее к разрушению, к Смерти тоже нуждается в искусных исполнителях своей программы.

34

Сергей святым не был, но, думаю, к гениям отношение имел. По-моему, понятий «добро» или «зло» для него не существовало вовсе. Двигателю положено двигать. И все равно кого, что или куда. Положив правую руку мне на затылок, он молчал минуты две, а потом сказал удивленно: «Впервые похвалили».

— Кто?

— Они, - ответил он. И пояснил:

— Всякий раз, когда я кому-нибудь снимаю блок или открываю третий глаз, они, как правило, злятся. А сейчас наоборот: довольны. Ты им понравился.

— Кому, им?

— Им! – И он показал пальцем в потолок.

35

— На самом деле мне, с точки зрения специалиста по системам управления ракетами, абсолютно все равно, чем будет заполнена их последняя ступень: ядерными зарядами или картошкой, - сказал, улыбаясь, главный конструктор и президент АО «Хартрон» Яков Айзенберг, будучи в тот момент героем моей телепрограммы «Сами о себе». Я задавал вопрос за вопросом этому талантливому ученому, который в течение многих лет возглавлял теоретический отдел одного из самых секретных конструкторских бюро Советского Союза, где создавалось, например, такое страшное оружие, как ракеты с разделяющимися самонаводящимися боеголовками, чтобы понять, советовался ли он, разумный и образованный, хоть раз со своей совестью. Говорила ли она ему что-нибудь о том, что у человека всегда есть выбор: крушить или строить, защищать или нападать, убивать или способствовать жизни? А если и говорила, то слушал ли он ее, и слышал ли он ее?

— Сахаровский комплекс вас не мучил? – спросил я Айзенберга, имея в виду громкий отказ академика Андрея Сахарова работать над термоядерным оружием по морально-этическим соображениям.

— Ну, что вы сравниваете! – воскликнул мой собеседник. – Андрей Дмитриевич – это...

Он вознес руку в направлении люстры.

- А я...Я – нет...

36

В общем-то, не так уж трудно избавиться от того, кто хочет с тобой поговорить по душам, в том числе и от внутреннего собеседника. Сложнее – оценить последствия.

37

Среди вопросов «Что делать?», «Где?», «Как?» «Когда?» и «Зачем?» с некоторых пор я стал ставить последний из них на первое место. Зачем биться головой о стены, когда рядом незапертая дверь? Зачем убивать время, когда его так мало отпускается нам Всевышним? Зачем человеку дана, в отличие от всех других обитателей Земли, возможность спрашивать «зачем?». Отвечая на эти вопросы, поднимаешься все выше и выше по лестнице потребностей, от проблем утоления разнообразных форм голода до поисков смысла жизни, и понимаешь, что хоть цель и не оправдывает средства, но, сформулировав ее, можно отыскивать наилучшие пути к ней, пренебрегая теми, что ведут в тупики.

38

В поисках героев для своей телепрограммы о самореализованных людях однажды я услышал о существовании некой «белой вороны» в милицейской среде моего города. Эта симпатичная птица лет сорока с небольшим была женского рода, носила майорские погоны и имела должность старшего следователя по дорожно-транспортным происшествиям. Звали ее Светланой А. Говорили, что она зарекомендовала себя за долгие годы работы в системе госавтоинспекции в качестве очень профессионального и - уникальная редкость по нашим временам! - неподкупного эксперта. Не знаю почему, но так уж случается, что мне почти никогда не приходится прилагать каких-либо усилий, чтобы, как говорится, «раскрыть» собеседника. Чаще всего он слышит мой мысленный посыл «Мы с тобой одной крови, я и ты», заимствованный из «Маугли» Киплинга, и не старается охранить свой мир от непрошеного вторжения, а наоборот, рад возможности излить душу. И в случае со Светланой А. все происходило как обычно. Почувствовав во мне друга, она сбросила с себя защитную скорлупу и стала сама собой: посмеялась над своей детской мечтой о робингудовской справедливости, жестоко разрушенной впоследствии милицейскими буднями, рассказала, как, будучи еще простым гаишным инспектором, однажды не сделала просечку в талоне предупреждений водителя автофургона, проехавшего перекресток на красный светофор, но заставила в виде компенсации за нарушение дорожных правил выпустить на волю целую стаю бродячих шавок, которых тот вместе с напарником наловил и вез на уничтожение, и которых ей стало до слез жалко. Конечно же, Светлана А., совершив форменное самоуправство, очень рисковала, поскольку шофер мог пожаловаться начальству, но она, как и я, любила собак. А на мой до неприличия простой вопрос, правда ли, что расследуя сотни кровавых дорожно-транспортных происшествий ежегодно и принимая решения, от которых напрямую зависит ход следствия, а значит и то, кто из водителей будет признан в суде виновным, она, несмотря на ее крошечную зарплату, действительно не берет взяток, моя собеседница ответила тоже очень просто:

- Почти нет. А особенно после смерти.

— После чьей смерти? - изумился я.

— После моей, - ответила она.

Ее рассказ о приключившейся с ней истории я не смог, к сожалению, полностью записать на видеопленку из-за просьбы моей новой героини:

- Выключите камеру, начальство не поймет, неприятностей не оберешься.

В общем-то нет ничего особо удивительного в том, говорила она, что навидавшись столько крови и слез, сколько их видит человек ее профессии за долгие годы непрерывной работы, тот в конце концов не выдерживает и сам попадает на больничную койку. В «неотложке», куда она была доставлена в полубессознательном состоянии, дежурный врач заволновался и велел срочно везти в операционную ввиду подозрения на прободение язвы желудка, перитонит. А потом она очутилась где-то, где никогда раньше ей быть не приходилось. Летела ли она, подобно многим другим, перенесшим клиническую смерть, по черному тоннелю к белому свету или нет, Светлана

А. не помнила, но зато, когда уже оказалась «за гранью», с ней случилось такое, что объяснить было невозможно даже специалисту с двумя, как у нее, высшими образованиями, и о подробностях которого она так и не осмелилась рассказать. Но главное, ее потряс не столько сам факт этого невероятного путешествия, сколько то, что в том, ином, мире, она очутилась, как говорят, на мели и безо всякой надежды когда-либо раздобыть духовный капитал, совершенно необходимый для полноценного существования в тамошних условиях. Впереди ее ожидала беспросветная и нескончаемая нищета! Ужас охватил всю ее сущность настолько, что даже тогда, когда усилиями врачей (а, может, и с той стороны помогли?) она вернулась на операционный стол, ее жизненные ценности оказались мало похожими на прежние. Теперь офицер милиции, активная комсомолка и член компартии в совсем недавнем прошлом, твердо знала три вещи. Во-первых, смерть означает не только конец короткой земной дороги, но и начало другой, сулящей много радости тем, у кого достаточно пороху в пороховнице для дальнего путешествия, и много бед всякому, кто не удосужился как следует подготовиться к походу. Во-вторых, земная валюта, как об этом, кстати, не единожды предупреждается в святых книгах, ни при каких обстоятельствах не конвертируется в духовную, одну только и имеющую хождение на том свете. В-третьих, нет способа быстрее оказаться банкротом перед лицом Вечности, чем наживаться на несчастье других.

— Иными словами, брать взятки невыгодно? – подытожил я.

— Еще как невыгодно! - подтвердила Светлана А.

- Познакомь меня с твоим инопланетянином, - попросил однажды Борис. Этот мой приятель стал жадно интересоваться религией и вообще всем сверхъестественным с тех пор, как несколько лет тому назад его чудом спасли от наркотической зависимости два экстрасенса, муж и жена. Я согласился устроить встречу, но надо былоещепридумать, как именно решить такую непростую задачу. Дело в том, что, во-первых, я не имел ни малейшего представления о том, когда Сергею придет в голову зайти ко мне в следующий раз, а, во-вторых, сам Борис очень мало годился для каких-либо произвольных, заранее неспланированных, передвижений. Да еще куда! На пятый этаж. И без лифта, потому что тот застрял между вторым и третьим уже с месяц. Обе ноги Бориса были ампутированы чуть ли не по пояс в результате полутора десятков операций. Облитерирующий эндартериит. Так называлась эта неизвестно откуда взявшаяся болезнь, превратившая за двенадцать лет высокого крепкого мужика в безногого коротышку, в жалкий обрубок, который мог передвигаться только сидя-стоя на низкой тележке, отталкиваясь от поверхности пола или асфальтовой дорожки двумя деревяшками, зажатыми в мощных почти беспалых руках. Кстати, как раз непереносимая послеоперационная боль и вынудила врачей прибегнуть к наркотикам, от которых впоследствии они же никак не могли освободить

Бориса, хоть тот и очень просил их об этом. Помогла же, как уже говорилось выше, народная медицина, которую, он, в прошлом убежденный безбожник и враг знахарства, член компартии, руководитель различных рангов в области строительства, раньше, до болезни, не признавал напрочь.

— Не дрейфь, - сказал Борис. – Как только заявится он к тебе, мигом звони. И через полчаса я у тебя во дворе сигналить буду. Вот и спускайтесь. А поговорим в машине. Я быстрый, ты же знаешь.

Да, я знал, что, несмотря на свою физическую ущербность, Борис и в самом деле лихо водил свои «Жигули» с ручным управлением, иной раз приводя инспекторов ГАИ в состояние беспомощной истерики. Ну, что они могли поделаться с крепким матом инвалида?

— И на что он тебе? – спросил я.

— Увидишь, - ответил он.

Когда через несколько дней мы спустились к Борису, он сразу же, усадив на заднем сидении меня, а Сергея спереди рядом с собой, протянул ему свою изуродованную руку и сказал: «Ну, инопланетянин, и за что это мне?». Тот криво усмехнулся:

— Бирюльку носишь на шее?

— Какую еще бирюльку! – возмутился Борис. – Распятие это. Крестик натальный.

- Я и говорю, - насмешливо сказал Сергей.

А потом, не дав моему очень православному приятелю и рта открыть, чтобы вступить за свою веру, стал вынуждать его припомнить, что случилось с ним в конце апреля или начале мая четырнадцать лет назад такого, что он добровольно отдал кому-то нечто необычайно важное для себя. Борис ответил, что в то время он как раз получил хорошую должность в Метрострое и что ему тогда не было дела ни до чего другого. Ни в выходные, ни в праздники. Даже на 1-е Мая организовал выезд своего отдела на природу. Шашлык устроили.

— Вкусный? – поинтересовался Сергей.

Борис рассмеялся и сказал, что так его и не попробовал, потому что пришлось остаться в городе. У соседа родился мальчик, которому, если в течение одного-двух дней не заменить всю его кровь, грозила, как объяснили врачи, очень скорая гибель. А где ее взять, кровь-то? Да еще много, да нужной группы, да срочно, да на майские!

— И что же ты сделал? – с интересом спросил Сергей.

-Что мог, то и сделал, - сказал Борис. - На уши всех поставил. По радио, по телевизору передал, чтоб доноры пришли. Ну и сам...

— Что сам?

— Сдал. У меня группа подошла.

— И сколько же? – едва сдерживая смех, поинтересовался Сергей. — Сколько своей собственной крови, богатства, ценнее которого у тебя никогда ничего не бывало, ты отдал этому пацану ни за понюх табака? Поллитра? Литр?

- Почти литр, - сказал Борис. - Я здоровый был бугай.
- А с этим литром ты отдал и ноги, и руки, и всю свою жизнь. Добровольно! С чем, как говорится, и поздравляю.
- Так что же, по-твоему, мне было делать? Дать ему сдохнуть?
- В ответ Сергей утвердительно покивал головой, от чего Борис буквально взорвался.
- Врешь ты все! Не может Господь за доброе дело так наказывать! Я же от чистого сердца! На шашлык не поехал, хоть мне это во как надо было. Только-только должность принял. С людьми не пообщался как следует. А тут сосед в дверь стучит. И я все бросил, и стал звонить туда-сюда, и сам в больницу двинул...
- Выжил?
- Не понял, - сказал Борис. – Кто выжил?
- Ну, соседский пацаненок тот. Спас ты его?
- Живой. А если б не я, то все! Пиши пропало!
- И как он, нравится теперь? Хороший из него человек получается или так себе?
- Редкая сволочь, - хмуро сказал Борис. – От горшка два вершка, а уже наркотой промышляет. Да и родня у него, честно говоря, такая же.
- И ты, - вдруг заорал на него Сергей, - не дал сдохнуть этой гниде, этому дьявольскому отродью! Увидишь, он еще столько натворит тут, что мало не покажется! Это добро, по-твоему? Хвалить тебя прикажешь, что гаденыша с копытами и хвостом выходил?
- И что, все это из-за него? – с ужасом спросил Борис, опустив глаза туда, где у здоровых людей находятся ноги.
- Нет, - сказал Сергей. – Все это из-за тебя. Маяки замечать надо.

40

Да, очевидное – поистине маскировка истинного. И маяки, назначение которых удерживать нас на нашем собственном Пути ко все новым и новым испытаниям, не дать свалиться в непроходимую трясику, - чудесное тому подтверждение. Мы смотрим на знаки-подсказки наших Хранителей, мы их слушаем, ощущаем, но...почему-то не замечаем. В упор не видим. Мы крайне редко доверяем в эти мгновения своим глазам, ушам и сердцу. Наверное, так уж устроено, что невероятно трудно без опыта, без настойчивости, а главное, без развитой духовности – этой способности связываться с верхними уровнями мировой иерархии, отличать искры драгоценной информации от малозначащего фона, от маскировочной сети, сотканной из привычных глазу и уху мелочей.

41

Но маяки, зовущие к освобождению, надо уметь отличать от приманок. Меня поймет любая живая тварь, на которую кто-нибудь когда-нибудь охотился, заманивая соблазнительным презентом в ловушку или на крючок.

Приманки на прилавке:
 Самцам – вот эти самки,
 Нашивки – для солдата,
 Для служащих – зарплата,
 А в целом для народа
 Предложена свобода.

42

Мои маяки-разрешения: внезапная радость, ощутив которую душа поет, тело становится почти невесомым, а комната – светлее обычного; транспорт, ждущий меня на остановке с приветливо открытыми дверями; «случайно» встречаешь нужного человека, открываешь книгу на странице, где написан совет для решения возникшей проблемы; идешь или едешь по «зеленой волне»...

Мои маяки-запреты: страх комком стоит в груди; ни с того, ни с сего клонит в сон, когда соблазняют бесплатным сыром в мышеловке; двери в вагонах метро, трамвая и троллейбуса захлопываются перед носом; то и дело попадаешь на красный свет светофора; ощущение низкого, давящего на голову неба...

43

Однажды в Центральном парке культуры и отдыха, который у нас, как и парки во всем Советском Союзе, носил имя А.М. Горького, принялись красить старую, чудом сохранившуюся с довоенного времени, парашютную вышку. Это могло означать только то, что ее собираются включить, наконец, в перечень действующих аттракционов. А так как этот список был не слишком длинным – тир, пара каруселей, чертово колесо, качели, кабинка в виде самолета, сидя в которой каждый мог ощутить себя летчиком-истребителем, выполняющим фигуры высшего пилотажа, то пройти мимо новинки я, одиннадцатилетний искатель приключений, не мог никак. Из надписи на будке, где продавались билеты на развлекательные мероприятия, следовало, что начиная с 1-го мая прыгать с нее можно будет каждому, кто купит билет, стоимостью в один рубль, и имеет вес не менее сорока килограммов. О новости я немедленно рассказал своему приятелю-однокласснику Гришке, и мы договорились с ним, что за пять дней, оставшихся до указанного срока, добываем, экономя на завтраках в школе, рубля по три (не один же раз прыгать!), и ничего не говоря родителям (вряд ли пустят), идем вместо первомайской демонстрации прямо в парк. Так и сделали. Оглядываясь назад, мне хорошо видны два паренька пятиклассника, один худой и длинный – Гришка, другой пониже и потяжелее – я, не идущие, а бегущие со всех ног по направлению к торчащей над деревьями парка

решетчатой металлической конструкции, на вершине которой ветер колышет грязно-белое полотнище сложившегося зонтиком парашюта. Каждый из нас старается обогнать другого, чтобы первым, а никак не вторым, сигануть вниз с такой верхотуры, на какой еще никто из знакомых ребят никогда не бывал.

Конечно же, мы и понятия тогда не имели, что удирая от надоевших до смерти приготовлений уроков, всяческих контрольных и ответов у доски и предвкушая немислимое развлечение, на самом деле мчались с рублем в кулаке (больше собрать не удалось) на один из важнейших в жизни человека экзаменов, который называется ИСПЫТАНИЕ СТРАХОМ.

То, что это именно так, я начал понимать уже во время подъема по бесконечной спирали лестницы. Она вела на самый верх, туда, где нас поджидал парашют, отчего-то не такой уже желанный, как прежде. Спешить перехотелось, и я почти прекратил попытки обогнать более шустрого приятеля, но тут он сам вдруг остановился из-за якобы расшнуровавшегося ботинка и сказал, что так уж и быть - пропускает меня по дружбе вперед. К сожалению, мои шнурки были в полном порядке, а значит, отказаться лезть наверх первым без уважительной причины означало признать себя трусом. Добравшись до конца лестницы, я очутился на огороженной железными трубами площадке. Здоровенный парень в комбинезоне с сомнением посмотрел на меня и спросил, уверен ли я, что вешу сорок килограммов. Потому что, если меньше, то могу и зависнуть. Я ответил, что не зависну и посмотрел вниз. Там, далеко-далеко от меня, жили крошечные человечки с ярко красными флажками и разноцветными шариками в руках. Одни просто гуляли по асфальтовым дорожкам, другие стояли в очереди к кассам аттракционов, третьи, собравшись в кучку, глазели вверх, в мою сторону. Снизу им не было видно, как человек в комбинезоне обмотал меня со всех боков брезентовыми ремнями, пристегнул к стропам парашюта, раскрытый купол которого был соединен тросом с висящим внутри вышки противовесом, и стал подталкивать к проему в ограждении. За ним была пустота. И вот туда, в пустоту, мне и следовало шагнуть, хоть разум не советовал делать такой глупости ни в коем случае. Я занес левую ногу за край площадки, но поставить ее было решительно не на что, и она безопорно повисла над бездной. Пальцы рук сами собой крепко-накрепко обхватили свежескрашенную трубу-перила. Вторая нога отрываться от твердой поверхности не хотела ни за что.

— Ну как? – спросил парень. – Дрейфишь?

Я мотнул головой и соврал:

— Нет.

— Тогда прыгай, - сказал он. – Не шагай, а прыгай.

Хорошо помню, что в тот момент в моей голове возникло нечто вроде экрана, на котором спятивший киномеханик одновременно прокручивает куски из разных фильмов. Вотя беспомощно барахтаюсь на огромной

высоте, намертво вцепившись в перила, а люди, среди которых есть и Гришка, безуспешно стараются разжать мне пальцы. И тут же я спускаюсь вниз по железной витой лестнице, теснимый идущими навстречу незнакомыми, бросающими в мою сторону насмешливые взгляды, ребятами. И вдруг: мое тело камнем летит вниз безо всякого парашюта. Однако ярче всего запомнились не сами изображения возможных вариантов моего ближайшего будущего, а хорошо слышимый, хоть и беззвучный голос, их сопровождавший. Он говорил слова, которые выключали каким-то образом логику, терзавшую мое воображение, и наполняли всего меня абсолютной, хоть и бездоказательной уверенностью в благополучном исходе испытания. Я вернул левую ногу на место, слегка присел и, не думая ни о чем, прыжком оттолкнулся от дощатого пола площадки, причем не вниз, а куда-то вверх. Натяжение лямок парашюта ощутилось не сразу. Сначала перехватило дух, а затем, через несколько метров свободного падения, меня дернуло, и я, почти перестав снижаться, почти замерев между небом и землей в некоем подобии подвесного кресла(все-таки я весил, видимо, чуть-чуть меньше, чем надобно было для надежного перетягивания противовеса), рывком вернулся в реальный мир прекрасного, светло-зеленого, солнечного майского утра. Вернулся, но уже не совсем таким, каким был прежде.

Гришке повезло меньше. Или внутреннего голоса он не услышал, или того вообще не было, или не поверил ему. Но в любом случае парню в комбинезоне пришлось немало потрудиться, прежде чем он смог разжать пальцы моего приятеля, и на потеху публики тот с воплем полетел вниз с парашютной вышки, спиной вперед.

44

Страх – это ощущение разрыва связи с Хранителем. И судя по тому, что возникает это пренеприятнейшее чувство где-то в области средостения – в пространстве между сердцем и легкими, – именно там и находится мобильный телефон, которым пользуется наша душа для обмена информацией с тонким миром. А его антенной, как я понял значительно позже, служит эпифиз. Эту железу внутренней секреции, находящуюся в головном мозге, еще называют шишковидной.

45

Однажды жене все же удалось уговорить меня съездить на дачу к ее сестре Гале. Другие члены нашего семейства, дочери Марина и Инна, а также пудель Ким в особых уговорах не нуждались. Лето заканчивалось, и им хотелось успеть ухватить от него как можно больше. Село, где родственники Оли построили себе дачный домик, находилось километрах в шестидесяти от Харькова, на берегу Салтовского водохранилища. Вот оно-то, водохранилище, и было одним из наиболее мощных доводов в пользу

путешествия в Молодовую, хотя эта поездка и прерывала на несколько дней мою работу над сценарием документального фильма о московском семинаре 1991-го года, на котором известнейшая американская компания “Pratt&Whitney” делилась с советскими самолетостроителями своим опытом по созданию продукции высокого качества. Однако дело делом, а жена, конечно же, нуждалась хотя бы в небольшой передышке от нескончаемых домашних забот. Ну, и у меня появлялась долгожданная возможность вволю понырять и поплавать с маской и ластами в погоне за раками. Уже была вторая половина августа, а значит, вот-вот могло резко похолодать, и вкуснейший салат из раковых хвостов, называемых почему-то «шейками», пришлось бы снова, в который уже раз, отложить до следующего года. Ведь в прохладной воде, да еще когда мокрую спину обдувают порывы предосеннего ветра, долго не побарахтаешься. А раки, они на глубине трех-четырех метров голыми руками ловятся не быстро. Тем более в количестве, достаточном для ублажения всех заинтересованных лиц, то есть восьмерых человек, каждый из которых свободно мог управиться с двумя-тремя десятками единиц этого изысканного продукта (не говоря уж о салате из них же). В общем, работа предстояла нешуточная. Но мы ее выполнили хорошо.

В первый же день нашего приезда, ближе к вечеру, я, Галин муж Феликс и сын их Леонид, до одури нанырившись в мутной, уже слегка покрывшейся ряской, воде, с гордостью внесли на веранду два ведра, почти доверху наполненных шуршащим деликатесом. На крохотную двухконфорную газовую плиту большие кастрюли не помещались, а значит, варить улов предстояло небольшими порциями, что могло занять часа три, не меньше. А так как Феликс к тому же не успел вовремя съездить в магазин за пивом (а раки без пива – вздор!), то большинством голосов против двух воздержавшихся – меня и Кима - было решено перенести торжественную трапезу на следующий день. Нашу собаку вареные раки вообще не интересовали. Да и кто бы ей дал! А я, усвоив с детства принцип «НИКОГДА НЕ ОСТАВЛЯЙ НА ЗАВТРА ТО, ЧТО МОЖНО СДЕЛАТЬ (ИЛИ СЪЕСТЬ) СЕГОДНЯ», старался следовать ему везде и всегда. Но тогда возражать вслух против переноса пиршества я не стал еще и потому, что вот-вот по телевизору должна была начаться давно ожидаемая нашими дамами развлекательная программа, и без боя они ни за что не променяли бы любимых артистов на тяжкий труд: очистку «раковых шеек» от скорлупы - для салата. Мне же ни воевать с женщинами, ни глазеть на тусклый экран старенького телевизора определенно не хотелось, и потому решил идти в кухню, чтобы начать приготовление первой партии шустрых хозяев клешней и усов, которые то и дело высывались из-под крышек ведер. Но в тот самый момент, когда я стал приподниматься ради такой чревоугодной цели с табурета, что-то щекотнуло мою кожу на ноге. Оса? Пчела? Комар? Муравей? Инстинктивно, одновременно с появлением этих страшных предположений, моя рука с силой хлопнула по тому месту на правом бедре, где под штаниной шорт таилась кусучая угроза.

— Что там у тебя? – спросила жена.

— Паучок, - ответил я, вытряхнув из штанов на ладонь уже безжизненный комочек черного цвета. – Вроде не нарочно убил. Но все равно, говорят, не к добру это.

— Опять ты со своими суевериями, - сказал Феликс. – Не бери дурного в голову. А в кипяток не забудь бросить лавровый лист, укроп и соли побольше.

Когда на следующее утро я открыл глаза, то обнаружил, что нахожусь, к своему удивлению, на незнакомом диване в незнакомой комнате. Рядом спала жена. И только, когда на глаза мне попался обеденный стол, на котором в несколько слоев лежали красно-бурые, уже обсохшие после варки, рабы тушки, все вспомнилось. Часов на руке не было, и чтобы выяснить, пора ли уже вставать, я включил телевизор. Там женщина в черном говорила о возвращении к социалистическим ценностям, о внезапной болезни Горбачева, о некоем чрезвычайном комитете по имени ГКЧП, который теперь, начиная с 19 августа 1991 года, будет всеми нами руководить. Она, эта женщина в черном, я понял это сразу же, была непосредственным результатом моей оплошности, приведшей к гибели черного паучка. Она даже похожа была на него: сухая и членисторукая. Потом на экране стали танцевать лебеди из «Лебединого озера» Чайковского. Разбудив жену, детей и Кима, я сказал им, что в стране коммунистический переворот, арестован президент и что нам надо срочно добираться до города, пока шоссе не перегородили танки.

— Ну что от тебя зависит? – спросил Феликс. – А тут салат из раков. Поживите здесь денька три, как и хотели, а там видно будет.

Пока мы шли по лесу к шоссе, где я рассчитывал поймать машину до Харькова, в голову лезла всякая гадость. Что будет с Украиной, граждане которой в декабре прошлого года почти единогласно проголосовали на референдуме за отделение от Советского Союза? Что будет с моей семьей, если придется скрываться от новых-старых властей (или даже уйти в партизаны!), поскольку о добровольном возвращении в затхлое болото прежнего порядка я не мог и подумать? И, наконец, зачем же столько времени и сил было мною потрачено на создание фильма про новые, дружески-деловые взаимоотношения наших авиастроителей с американскими, если война между нами и всем остальным миром, то ли холодная, то ли горячая, скорее всего, опять начнется?

— И что же нам теперь делать? – спросила Оля, как всегда легко прочитав мои мысли.

— Больше никогда не давить пауков, - ответил я.

Попасть к широко известному в узких кругах украинских и российских эниологов и других приверженцев трансцендентального мировоззрения г-ну Ш-ну Г.А. мне помог Юра. Впервые о том человеке я узнал, когда мы разглядывали сборник докладов семинара «Проблемы гармонизации человечества», где среди множества работ биологов, математиков, физиков, архитекторов, врачей и культурологов было и несколько Юриных статей, посвященных исследованиям энергоинформационного влияния на вещество, которые он проводил с использованием изобретенного им прибора «Дэмон». Там же я прочел очень лестные по отношению к Юре оценки упомянутого Г.А., который, кстати, и был инициатором того семинара. И поскольку люди, осознающие угрозу гибели нашей однобокой технократической («протезной», по выражению г-на Ш-на), цивилизации, и при этом старающиеся по мере сил гармонизировать ее, одухотворить и тем самым предотвратить печальное для землян развитие событий, мне вообще интересны все до единого, то пройти мимо человека, предпринявшего попытку собрать вместе массу непохожих друг на друга личностей, хоть и разных по роду занятий, по возрасту, по вкусам, но очень близких по избранной ими системе ценностей, чтобы обменяться между собой добытыми знаниями, мне не хотелось никак. Получив от Юры номер телефона г-на Ш-на, я созвонился с ним, и в назначенный день приехал в Киев. Г.А. отвел для той нашей встречи всего сорок минут, но продолжалась она как минимум часа два. И не по моей вине. Сначала он выяснил, что имелось в виду, когда я представлялся автором и продюсером телепрограммы «Сами о себе», и буду ли брать у него интервью. Затем, удовлетворившись моим заверением, что да, буду, и что именно с этой целью я и захватил с собой видеокамеру, Г.А., в то время, как я выбирал место для штатива и устанавливал свет, стал с гордостью показывать свою огромную коллекцию минералов. Потом он забрался с ногами на диван, как-то по паучьи поджал их под себя и, предупредив, что еще не решил, соглашаться ли ему отвечать на мои вопросы или нет, достал откуда-то из-за головы стопку листов бумаги, заполненных печатным текстом, нацепил очки и дал команду начинать съемку. Из статьи, которую г-н Ш-н добросовестно прочитал мне на часовую кассету, следовало, что автору удалось соединить непротиворечивым образом все известные представления о мироустройстве: отизложенных в Каббале, Арканах Таро, И-Цзин, Теософии и до суперсовременных космологических теорий.

— Кто вы? Откуда? – спросил я у Г.А., когда тот замолчал.

— Не знаю, - ответил он, мгновенно угадав, что именно меня интересует. – Вряд ли отсюда. – Я – никто! Пустота в высшем смысле этого слова. Самые прославленные экстрасенсы, целители, ясновидящие, биоэнергетики обращаются ко мне за советами, и получают их, и благодарят, хотя, поверьте, я не имею к их деятельности ни малейшего отношения. Ко мне, как к магниту, стягиваются и необычайно могучие маги, и гениальные ученые. Да что там маги! С полгода назад явилась женщина, подарила ни много ни мало, а чудо, о котором можно только мечтать: схему генератора вещества.

Построив его, можно забыть о добыче полезных ископаемых, электронике, сельском хозяйстве... Такой генератор может заменить все.

— И что, вы его построили?

— Да если бы я его собрал, от этого мира остались бы одни клочья, - хихикнул он. И рассказал, что через месяц с небольшим после того визита к нему буквально ворвалась еще одна особа женского пола с требованием немедленно отдать тот подарок ей. Г.А. удивился, ведь узнать о врученном ему чертеже было непросто. Сам же он никому ничего о генераторе не говорил. Впрочем, тайна эта быстро раскрылась, так как, по словам непрошенной гостьи, схему принесла г-ну Ш-ну ее родная сестра. Но если, не дай Бог, волновалась женщина, это произошло под влиянием темных сил, то быть беде. Земляне не готовы еще к разумному использованию всемогущей «лампы Аладдина». Поэтому генератор создавать нельзя ни в коем случае, а его чертеж надо уничтожить. И немедленно! Угроза показалась Г.А. реальной, и он достал из-под дивана драгоценный рулон. Хранительница человечества немедленно развернула бумагу и, скользнув по ней взглядом, с облегчением вздохнула. «Все ясно. Фальшивка, - сказала она перед тем, как уйти. – Работать не будет».

— И вы ей поверили? – спросил я осторожно, боясь показать г-ну Ш-ну, что во мне все сильнее и сильнее зарождается сомнение в его душевном здоровье.

— Конечно! - сказал он. – Попробуй, не поверь им!

А потом напомнил о нескольких загадочных смертях, постигших тех, кто не внял предупреждениям сверху. По его словам, всего за несколько последних лет в России и Украине один за другим погибли при странных обстоятельствах человек шесть изобретателей антигравитационных летательных аппаратов. Все они довели свои установки до стадии испытаний, и ни одному из них не удалось выжить. То баллон с кислородом взрывается ни с того, ни с сего, то стена дома обваливается, то внезапный грипп, то удар током... Кое-кто из наблюдателей, следящих за всем, что творится на Земле, по мнению Г.А., явно предпринимал меры, чтобы какая-то из противоборствующих сторон не стала намного сильнее другой.

— Знаете академика Г.? – спросил он.

— Конечно. Знаменитый кибернетик. Но ведь его уже давно нет. Говорили, рак.

— Об этом и речь. Дело в том, - сказал Г.А., понизив голос чуть ли не до шепота, - что мы с ним были знакомы. И уверяю вас, он производил впечатление совершенно здорового, энергичного и еще совсем молодого человека. Но только до тех пор, пока этот наш гениальный академик не додумался до одной идеи, которая, будучи реализованной, должна была вывести Советский Союз на недостижимый для Запада уровень информационных технологий. Вот с этого самого момента он стал чахнуть, как пишется в сказках, не по дням, а по часам. За три-четыре недели – только кожа и кости. Врачи разводили руками: никаких объективных показателей для такого внезапного похудения.

— Так ведь рак же! – не выдержал я.

— Не было у него никакого рака, - сказал Г.А., - не было. Просто надо ведь написать какую-то причину, по которой человек буквально сгорает за несколько месяцев.

— А что было?

— Есть несколько свидетелей того, что незадолго до кончины он сказал странную фразу: «Они меня убирают». Наши бдительные органы истолковали ее, конечно, как обвинение в адрес сверхковарных иностранных спецслужб, упредивших разработку опасной для них идеи каким-то ядом. Но вы же понимаете, что это абсурд.

- Тогда кто же его убрал?

- Он ведь сам признался: они. Неужели не ясно, кто именно?

И тогда я рассказал Г.А. о том, как с 19-го по 22 августа 1991 года, провел трое суток у старого лампового радиоприемника «Мир», слушая репортажи из Москвы, где гэкачеписты стали поворачивать историю вспять. Помня о гибели по моей вине черного паучка и осознавая свою причастность к происходящему, я обратился к небесам с мольбой дать мне силы исправить положение и, сконцентрировав энергию мысли на образах компартийных истуканов, рвущихся к власти, стал стирать их с лица земли.

— Догадываетесь, почему вам удалось победить путчистов? – спросил г-н Ш-н, и сам же себе ответил. – Во-первых, потому что вы были не одни. Точно так же, сидя у радиоприемников, синхронно с вами, сражались против общего врага сотни человек в мире. И многие из моих знакомых были в их числе. А, во-вторых, вам не надо, надеюсь, объяснять, по чьей беззвучной и незримой команде это происходило?

— Не надо, - ответил я.

— Звоните, если что, - сказал он на прощанье. – Буду рад помочь.

47

Искусствоуметь и иметь – это искусство хотеть. Сию истину я постигал постепенно.

48

Впервые с профессиональным целителем-экстрасенсом мне довелось встретиться, когда моей старшей дочери было лет десять. После нескольких безрезультатных походов по знакомым врачам, по больницам и поликлиникам мы с женой решили прислушаться к совету ее сотрудницы и начать лечить Маришку нетрадиционными методами. У нее было растянуто сухожилие на кисти руки (переиграна, по терминологии музыкантов), из-за чего наша девочка вот уже месяц просто не могла заниматься фортепиано, а кроме того, в последнее время ее стали мучить еще и странные спазмы в животе. Да так, что по утрам ее буквально скручивало в узел от непереносимой боли. Экстрасенс, которого нам порекомендовали, днем

работал массажистом в спортивном клубе, а по вечерам вел тайный прием пациентов в качестве целителя. По пять рублей за сеанс. Тайный, потому что в СССР вообще все, что было непонятно для чиновников, подлежало запрету, а экстрасенсорика, да еще за деньги, да еще у себя на дому, - тем более. Когда мы пришли в назначенное время, Михаил Иванович, так он представился нам, предложил дочке раздеться до пояса, а мне указал на кресло. Несмотря на то, что температура воздуха в комнате не превышала 16 – 17 °С, и в помещении явно ощущалась заоконная осень, я сохранял спокойствие и выказывал полное доверие к действиям и распоряжениям биоэнергетика, не возражая даже против того, чтобы склонная к простудам Мариша сняла с себя свитер, кофточку и рубашку и осталась в одном только лифчике. Михаил Иванович подошел к ней, несколько раз медленно поднял и опустил руки, бесконтактно охватывая Маришино тело от колен до головы, а затем, поднеся раскрытую левую ладонь прямо к ее животу, однако не касаясь и его, стал резко махать правой, как бы с силой нагнетая ей в спину нечто, хоть и невидимое для постороннего взгляда, но вполне материальное. Наверно, не прошло и минуты от начала сеанса, как я заметил на лбу у дочери небольшие капельки пота. Ей, любящей кутаться в шерстяные шарфы, вдруг стало жарко в ледяной комнате! А мне, напрочь тогда еще не верящему ни в какие чудеса, – завидно. Почему, подумал я, природа не наградила меня таким же даром, как Михаила Ивановича? Ведь как было бы здорово почувствовать себя волшебником, который может лечить людей простым взмахом руки, без таблеток и шприцов. Когда через четверть часа процедура окончилась, и покрасневшая дочка сказала, что чувствует себя намного лучше, что ничего вроде и не болит, я решился спросить экстрасенса, не может ли он рассказать мне, как он им стал. Как ему пришло в голову заниматься таким необычным делом? Тот ответил, что об этом и сам задумывался не раз. Ведь, насколько ему известно, в его роду ни знахари, ни колдуны, ни даже обычные врачи не водились. Единственное, что он может вспомнить, так это случай, когда с полтора десятка лет назад его охватило жгучее желание походить на мужика-костоправа, приехавшего к ним в спорт-школу откуда-то из-под Полтавы. От его рук шел такой жар, что нестерпимая боль в вывихнутом плече за минуту-другую у Мишки, как звали в ту пору Михаила Ивановича, утихла как по волшебству. И вот как-то раз, уже после отъезда костоправа, он решил и сам попробовать: а вдруг в его руках тоже есть лечебная сила? Провел несколько раз ладонью над голенью партнера по команде - тот только что сильно ушибся и корчился на полу от боли, и ... получилось. Ногу как заморозило! С тех пор и пошло-поехало. Стали звать на помощь, как что с игроком случится. Курсы массажистов окончил, медучилище...

— Есть? - спросил он, поднеся к моему лицу ладонь. – Тепло?

— Да, - соврал я.

На самом деле никаких особых ощущений не было. Не появилось и капелек пота на лбу, как у Мариши.

Той ночью, когда давно уже спали и жена, и обе дочери, я лежал, глядя в потолок, и минут десять вспоминал детали событий прошедшего дня. А потом осторожно, чтобы не разбудить Олю, вытащил из-под одеяла руку и стал медленно подносить ладонь к своему лицу, чтобы проверить: а вдруг все же почувствую волшебную энергию? И, что странно, действительно почувствовал. С расстояния трех-четырех сантиметров от ладони (кстати, явно более холодной, чем кожа лица, что я тут же специально проверил, коснувшись ее пальцами) теплый поток несомненно коснулся моего лба. Удивляясь ему и самому себе, такому, как оказалось, загадочному и до сих пор самим собой непознанному, я заснул.

49

Лестница, по которой поднимаюсь, очень похожа (а может, это она и есть?) на ту, что в моем подъезде. Начинается из полуподвала. Длинные марши по четырнадцать ступенек, короткие по пять, и примерно десятиметровые горизонтальные площадки, где расположены двери в квартиры, ведут меня вверх по спирали, осью которой служит шахта для лифта. Иду до тех пор, пока не упираюсь в абсолютно глухую стену. Абсурд! И как это строители недосмотрели, что для того, чтобы попасть еще выше, человеку надо перелезть через перила и, рискуя свалиться вниз, подниматься на более высокий этаж по железной оградительной сетке лифтовой шахты? И, вообще, почему лифт опять не работает? А спуститься по лестнице нельзя. В этом, часто повторяющемся сне, ступеньки, ведущие наверх, совершенно не годятся для движения вниз. Вот я и лезу все выше, и выше, и выше...

50

Ступеньки, ведущие наверх, не годятся для движения вниз. Обратное тоже верно.

51

Второе рождение Сашки, как впрочем, и первое, произошло в самой непосредственной близости от меня. Но если, в январе 1947-го года, когда на свет появлялся мой молочный брат, мне было всего два дня и видеть этот процесс я не мог, то в августе 1968-го года мне довелось воочию наблюдать, как у моего друга, лежащего на окровавленных камнях, стали появляться признаки жизни. Прошло всего несколько коротких минут с тех пор, как мы с ним и двумя знакомыми девушками шли гуськом, по «тропе неверных жен». Так крымские экскурсоводы называли узкую-преузкую дорожку, огибающую на высоте около десяти метров над уровнем моря гору в районе Нового Света. Когда-то, уверяли гиды, там испытывался на верность Крымскому хану его гарем. Жена, за которой имелся грешок, непременно начинала волноваться на этом древнем детекторе лжи и, оступившись, разбивалась насмерть. То, что «насмерть» сомнения у экскурсантов не

вызывало. Выжить, упав с высоты трехэтажного дома, ударяясь телом об острые выступы многочисленных скал, не мог никто. Приблизительно о том же думал тогда и я, когда отвел глаза от Сашки, идущего в нескольких метрах впереди меня с рюкзаком за плечами, и посмотрел на хоть и уменьшенные расстоянием, но все равно казавшиеся огромными прибрежные валуны. Вокруг них шумела морская пена, украшая со стороны берега и так красивую до неприличия бухту.

— Ну что, стоило просыпаться в четыре утра? – крикнул я восторженно другу, но ответа не услышал.

На тропе его не было. Я осторожно заглянул в обрыв и далеко внизу увидел Сашку. До сих пор не понимаю, как всего за считанные секунды мне удалось очутиться рядом с ним. Он лежал с закрытыми глазами, лицом вверх, уткнувшись головой в измазанный кровью камень. Как же мне теперь быть, подумал я, как рассказать об ЭТОМ его маме? К счастью, ЭТО тогда не произошло. Позже, уже после того, как Сашка очнулся, стало понятно, что его позвоночник, а значит и жизнь, спасла моя алюминиевая фляга с водой. Расплющенная, словно ее переехал танк, она с очевидностью восстановила картину случившегося. Именно ей, вложенной случайно (в то время я еще допускал существование случайности как таковой) в карман его рюкзака, и пришлось принять на себя все смертоносные удары о выступы скалы, когда по ним прыгала спина оступившегося Сашки. Сознание же он потерял уже в самом низу от сравнительно легкого соприкосновения головы с каменной глыбой. Потом мы с девушками вытащили из того же рюкзака резиновый матрас, надули, уложили на него уже вполне оклемавшегося и даже подшучивающего над собой раненого, и я, обув ласты, отбуксировал Сашку по морю туда, где мы все обитали, то есть прямо в палаточный аквалангистский лагерь, к подножью скалы Сокол. Оттуда наш пострадавший был вскоре доставлен на машине в Судак, где врач местной поликлиники, осмотрев его и выслушав наш рассказ, сначала показал список погибших за последние годы туристов на тропе, крайне опасной не только для ханских жен, а затем разрешил Сашке возвращаться в лагерь пешком и поздравил со вторым рождением.

— И с первой благополучной смертью, - сострил мой друг, не задумываясь, конечно, о втором, куда менее галантном, приходе к нему дамы с косой, свидетелем работы которой мне, его молочному побратиму, впоследствии тоже зачем-то суждено было стать.

52

Открытыми глазами сквозь закрытые веки я вижу, как черный экран моего поля зрения, пересекаемый то сверху вниз, то под углом к вертикали потоком светящихся искорок, постепенно сереет, пока вдруг не становится совершенно прозрачным. За ним – странный, но безумно интересный мир: невиданные прежде дома, залы со стенами, увешанными роскошными коврами... И лица. Кого-то из них знаю, кого-то – нет. Куда я попадаю в этот

момент, предшествующий засыпанию? В будущее? В прошлое? Или туда, куда в конце концов всех нас переносит смерть, и где я надеюсь найти впоследствии много разгадок?

53

То, что реинкарнация существует не только в рассказах тибетских монахов о поисках детей, в тела которых после очередной кончины Далай-ламы переселяется его душа, я понял, пойдя как-то с женой на конкурс юных пианистов. Это состязание талантливых мальчиков и девочек из разных стран мира носило имя моего земляка Владимира Крайнева, прекрасного исполнителя на фортепиано и выдающегося педагога. Один раз в два года, специально ради такого события, он на полторы-две недели прерывал занятия со студентами в немецком Ганновере и приезжал в наш украинский Харьков. На этот раз Гран-при получил Илюша Рашковский. Я слушал Первый концерт Шопена в его исполнении и вдруг совершенно отчетливо увидел за роялем не ребенка-виртуоза, а зрелого, много пережившего на своем веку, талантливого музыканта, душе которого после его смерти, не знаю, в награду ли, в наказание ли, или по какой иной причине, дано было снова говорить на языке фортепианных клавиш и переселиться в юного, еще почти и не жившего на этом свете, школьника из России. Никакого иного подходящего объяснения этому явлению у меня не нашлось.

А может, то и был сам Шопен?

Крайнев же сказал мне во время интервью так: «Просто Бог поцеловал этого мальчика в макушку, и все». Ничего себе «просто»!

54

Суровый Бог Ветхого завета грозит не только одному послушнику, его гнев часто распространяется на несколько поколений всего рода. Меня всегда удивляла и немыслимая жестокость кары за нарушение заповедей или предписаний, содержащихся в Бытии, и ее механизм. Ведь для того, чтобы выполнить угрозу, а Бог, думаю, не бросает слов на ветер, ему надо отслеживать (и наказывать, что тоже довольно хлопотно) одного за другим всех детей, внуков, правнуков, праправнуков и прапраправнуков грешников, хотя родня эта, может быть, и вовсе ни в чем не виновна.

Однажды мне пришло на ум, что разгадка – в существовании особой, внутривидовой (не знаю, существует ли такая в религиозных, теософических, ведических и прочих фолиантах) реинкарнации, когда душа того или иного конкретного человека, его файл в программе Вселенной (или какая-то важная информационная часть его), переключивается от смерти к рождению и наоборот, от одного представителя рода к другому, образуя во

вневременном и всемасштабном измерении, нечто похожее на генеалогическое древо.

Давайте попробуем для наглядности собрать модель такого древа из шариков, соединенных между собой пружинками. Понятно, что под шариками подразумевается судьбы конкретных людей, элементов рода, а под пружинками – внутриродовые связи. А теперь подвесим перед собой на веревочке нашу конструкцию и щелкнем ногтем по тому из шариков, который, на наш взгляд, вносит беспорядок в порядок. Разве не почувствует этот удар (судьбы-кармы) вся система? Разве не зашатаются, не начнут биться (а то и разбиваться!) друг о друга многие «ни в чем не повинные» ее элементы? Однако, продолжал размышлять я, люди – все-таки не безвольные шарики. Они и сами себя могут ударить, не дожидаясь вмешательства сверху. И тогда роль Всевышнего Наблюдателя видится в ином свете. Он не наказывает неразумного грешника, а показывает ему его место в Системе, охраняет от самоуничтожения, предупреждает об опасности неисполнения принципиально важных для развития человечества Господних заповедей. Ведь цена греха – удар по всему его роду, по десяткам поколений, по душе в них обитающей. Так взрослые родители, всем сердцем желая добрасвоему отпрыску, но не имея возможности объяснить несмышленишу, что такое удар током, просто не дают совать пальцы в электрическую розетку. И иногда – грубой силой.

55

Говорят, в имени заложено намного больше информации, чем кажется на первый взгляд. Не могу с уверенностью сказать ни «да», ни «нет». Ведь с тех пор, как я узнал, что ничего не знаю, мне приходится употреблять другие слова, менее категоричные: «думаю», «полагаю» и пр. Так вот, думаю, что фраза «как вы яхту назовете, так она и поплывет» из веселого мультфильма про капитана Врунгеля и его парусное судно «Беда», имеет право на существование, и что от как бы случайно данного нам имени зависит не только как и где плыть, но и с кем. Одних моих знакомых окружают преимущественно Димы, других – Юли, Вали, Светланы. Мой друг Сашка, которого моя мама в роддоме три дня кормила вместо меня грудью, в зрелом возрасте развелся с одной Наташей, чтобы жениться на другой. Напомню, кстати, что имя моей мамы, его вынужденной кормилицы, – тоже Наталья. Что же касается меня, то судьба неустанно подсовывает мне Ольг. Сестра – Оля, жена – Оля. И мама моей мамы, бабушка, которую я хоть и видел только на фотографии, потому что она умерла в молодости, за двадцать три года до моего рождения, но чей гимназический дневник оказал на мое мировосприятие огромное влияние, конечно же, была Олей. А кто стал моим первым поводырем в тонком мире? Тоже Оля. С фамилией,

начинавшейся на букву Е. Однако не странно ли, что у тела с его сравнительно коротким существованием имя есть, а у души-долгожительницы, воплощающейся то в одном, то в другом человеке вроде бы и нет? Но оно должно быть! И как два разных файла не могут называться одинаково в одной компьютерной программе, так и наши души, отличающиеся друг от друга по опыту, по мудрости, по огромному количеству других признаков, должны иметь свое собственное имя, свой единственный и неповторимый код в пределах Вселенной. А если это так, то, вероятно, где-то в высокостоящем отделе кадров находится сундучок, в котором под крышкой с надписью «Для служебного пользования» лежит удостоверение личности моей души. И как было бы интересно найти его и прочитать, что там начертано!

Сергей, назвавшийся «инопланетянином», однажды заметил, что ему трудно воспроизводить мое имя. Мол, язык сломаешь. Я удивился: нет ничего проще. Но, как выяснилось позже, он говорил не о моем, так сказать, общедоступном имени, а об истинном, глубинном, о том, которое состояло из одних согласных. Не шла ли тогда речь об идентификации души? На вопрос моей жены, а соответствует ли ей, Оле, ее имя, Сергей фыркнул, давая понять, что конечно нет, не соответствует.

- Пару тысячелетий или миллионов лет назад вас звали всего только двумя гласными, похожими на «А» и «Я» - сказал он.

Удивительно, но годом позже Галина И., народная целительница, славящаяся своим умением залечивать раны, нанесенные проклятиями, при первой же встрече сказала моей жене, что на самом деле та вовсе не Оля, а что зовут ее еще музыкальнее: Ая, а мне - что столько согласных подряд, сколько их содержит мое настоящее имя, ей выговорить просто не под силу: «М», «З», «К», «Н»... Я проверял: с Сергеем-инопланетянином, который назвал нас точно так же, они никогда не встречались. По крайней мере, в этой жизни.

56

К той же Галине И. мы с женой как-то обратились по поводу дочки Инны, с которой стали происходить, мягко говоря, странные истории. То вдруг в день свадьбы у нее поднялась высокая температура из-за невесть откуда взявшегося гнойного воспаления почек, то в спальню квартиры, где она стала жить с новоиспеченным мужем, повадилось являться привидение в образе полупрозрачной женщины в широкополой шляпе и будить их среди ночи, то сам по себе стал откручиваться кран в ванной, то свежевыкрашенная в белый цвет труба водяного отопления в углу гостиной сама собой разрисовалась кроваво красными полосками, к ржавчине отношения не имеющими...

Диагноз Галины И. походил на выдержку из пособия по магическим практикам: тяжелая порча, множественные сглазы, родовое проклятие у

мужа. Она велела выбросить подаренную на свадьбу корзину с шампанским, а затем попросила купить свежие куриные яйца, сказав, что будет трижды, с перерывом в день, «выкатывать» ими поганую энергию у молодоженов, после чего, добавила Галина И., каждое использованное яйцо надо замотать в чистый носовой платок и сжечь ночью в пламени костра.

- И не пугайтесь, - предупредила она, - если вдруг оттуда полезут жабы, мыши, змеи или появится какая-нибудь другая нечисть. Все бывает.

Несмотря на то, что Иннин муж ко всему, выходявшему за рамки «здорового смысла», относился скептически (хоть даму в шляпе и другие странности, происходившие в его доме, отрицать не мог, поскольку сам наблюдал не единожды!), он позволил провести над собой и женой необходимые ритуальные действия и даже вызвался развести костер во дворе дома, чтобы совершить предписанное сожжение. В его рассказе о том, что произошло дальше, после того, как они с Инной бросили первое из возвращенных Галиной И. яиц в огонь и поднялись в свою квартиру на четвертом этаже, чтобы понаблюдать с балкона за выходом темных сил, чаще всего употреблялись слова «страх» и «ужас». Нет, ни мыши, ни змеи, ни жабы из костра не полезли. Зато сбежалось десятка полтора бродячих собак и, окружив кучу горящего хвороста, в глубину которого был засунут сверток с яйцом, стали выть. И вой этот был таким страшным, таким пронзительным и таким сверхъестественно завораживающим, что ужас буквально парализовал молодоженов, и они, обливаясь холодным потом, простояли на том балконе не менее получаса до тех пор, пока собаки не исчезли в темноте двора.

Когда мы с женой пришли к Галине И., чтобы поблагодарить ее за прекрасно выполненную работу (привидение исчезло, клинические анализы у дочки резко улучшились, писанина на трубах отопления прекратилась, и вода в водопроводе опять стала подчиняться крану) она с укором сказала:

— А Инну-то вашу вовсе не так зовут!

— А как же? – удивился я.

— По-моему, Анной, - ответила та.

То, что Галина И. никоим образом не могла знать, что прежде, чем зарегистрировать в ЗАГСенашу с Олей вторую дочку под именем Инна, мы звали ее в течение двух или даже трех месяцев Аннушкой, и даже съели пирог, подарок тещи, с надписью «Аня», я уверен абсолютно.

— Как вы догадались, - спросил я?

— Никак, просто увидела, - объяснила она простодушно.

Однажды прочитал у Шри Ауробиндо, что знание приходит не сзади, от опыта, а спереди, то есть оттуда, где оно есть всегда. И подумал, что хорошо бы и мне получить к нему доступ.

58

К старшему следователю по дорожно-транспортным происшествиям Светлане А. ясновидение пришло вскоре после пережитой ею клинической смерти. Радуюсь, что со мной можно поделиться тем, за что многие другие, скорее всего, обзовут сумасшедшей, она рассказала, как однажды утром, вернувшись после реабилитационного санатория на работу, подумала вслух о предстоящем тяжелом вечере: придется заводить дело о ДТП на Салтовскомжилмассиве.

- С чего ты взяла? Когда тот вечер еще будет! - возразила ей коллега-следователь.

А за полчаса до конца рабочего дня они обе мчались в дежурной машине на Салтовку, где маршрутное такси с одиннадцатью пассажирами в салоне на всем ходу врезалось в военный ЗиЛ.

- Ну,накаркала! Просто ведьма какая-то! - сказала ей удивленная сотрудница.

Но самое удивительное произошло со Светланой А. в один из свободных от дежурства дней, когда, отдыхая после стирки и приготовления обеда, она сидела в кресле перед телевизором и смотрела городские новости. В самом конце выпуска диктор попросил телезрителей позвонить по указанным в титрах телефонам, если кому-либо из них хоть что-то известно об исчезнувшем два года назад семнадцатилетнем Андрее М.

«У меня, - рассказывала Светлана А., - очень хорошая память, помню каждое из моих двух с лишним тысяч расследований. И поэтому была абсолютно уверена, что лица юноши, портрет которого показали на экране телевизора, в жизни не видела. Но, тем не менее, номера телефонов все же зачем-то записала».

А ночью ей приснилась какая-то незнакомая пожилая женщина со свечкой в руке. Глядя Светлане А. прямо в глаза, она не то попросила, не то приказала рассказать матери обо всем. Чьей еще матери? И что, собственно, рассказывать?— подумала Светлана А., когда проснулась. Весь день тот сон не вылезал у нее из головы. Придя с работы домой, она все-таки позвонила по одному из записанных номеров, хоть и по-прежнему не знала зачем. Как оказалось, он принадлежал некой Марии М., матери пропавшего парня. Услышав, что речь идет о ее сыне, она сразу же попросила разрешения приехать. Отказать ей Светлана А. не решилась, помнила сон. Так она узнала и когда именно Андрей ушел из дому, и что на нем было надето. А потом была ночь, в течение которой следователь по ДТП мучительно копалась в памяти, стараясь распутать дело, подsunутое женщиной со свечой. И вдруг, уже под утро, вспомнила: наезд трамвая на пешехода. Около двух лет тому назад некий молодой мужчина, перебегая через рельсы, споткнулся и угодил прямо под колеса головного вагона. Умер на месте. Документов при нем не

оказалось, и выяснить личность погибшего не удалось. Так и похоронили безымянным. Сама Светлана А. на место происшествия не ездила, труп не видела, но помнила, что его не кремировали, поскольку дело закрыто не было. Теперь же, спустя столько времени, к ней почему-то пришла уверенность, что разгадка близка, и что ей все же будет о чем рассказать несчастной матери. Но где факты? Их поиск она начала с того, что подняла всю документацию двухлетней давности. И... почти ничего стоящего внимания не нашла. Фотоснимки исковерканного лица погибшего никак не походили на показанный по телевидению портрет Андрея. Одежда, в которой мужчина попал под трамвай, даже не напоминала ту, что была надета на сыне Марии М. И еще в бумагах упоминалось, что пострадавший не сразу скончался, а на вопрос, как его зовут, успел произнести что-то похожее на имя Коля. Коля, а не Андрей! Да и ушел сын Марии М. из дому на три дня раньше, чем случилось происшествие. Ну, кому не ясно, что эти люди просто не могли иметь друг с другом ничего общего? Проблема, однако, заключалась в том, что у Светланы А. не просто возникла версия произошедшей трагедии, а она уже совершенно точно знала, кто именно угодил под колеса трамвая. Андрей, и никто иной! Но как объяснить и чем подкрепить это знание, пришедшее непонятно откуда? Не рассказом же о женщине со свечой и внезапном ее, капитана милиции, озарении! И тогда, пользуясь своим авторитетом классного эксперта и не приводя почти никаких обоснований своим догадкам, она решила требовать сложной и очень нежелательной для ее начальства процедуры: эксгумации. Хотя и с проволочками, и с предупреждением об ответственности за бесполезное расходование сил и средств, но такое разрешение ей все-таки дали. Вскрытие захоронения и последовавшее за ним рентгеновское исследование скелета подтвердило безусловную правоту Светланы А. В могиле находился сын Марии М. Оказалось, что в тот роковой момент он был одет в чужую одежду (возможно, она принадлежала тому самому Коле, которого и звал Андрей перед смертью, и с кем провел последние дни жизни).

— Таким образом, - сказала мне Светлана А., - я сделала все, что могла. И она осталась мной довольна.

— Мать Андрея?!

— Нет. Женщина со свечой. Она снова пришла ко мне во сне, улыбнулась и поблагодарила.

Неужели необходимо хоть на мгновение умереть, как это произошло, например, со Светланой А, или травмировать голову, наехав на мотоцикле, подобно Ольге Е., на корову, или мучиться от приступов язвы и отчаяния, о которых мне рассказывал известный ученый и правозащитник В. Турчин, чтобы обрести ясновидение, целительские таланты или получить другие свидетельства прямого доступа к знанию? Так думал я не раз, лежа с

закрытыми глазами в теплой ванне, то есть в условиях, в которых мне философствуется лучше всего. Но, возражал я сам себе, есть сколько угодно примеров и другого, не такого болезненного приобщения к тонкому миру. В конце концов, и мне ведь удалось заглянуть в него не в результате физических или моральных страданий, а только лишь потому, что однажды я очень сильно захотел этого. Но стоп! Разве только лишь потому? А не было ли в моей жизни чего-то такого, необычного, на что я в свое время не обращал внимания, но о чем можно сейчас говорить как о передаче высшими силами (или Природой, если такое их имя кому-то больше по душе) заветного «мобильного телефона» для связи с ними? Не случилось ли с моим организмом каких-то перемен, из-за которых он стал приспособливаться для обмена информацией с большим количеством иерархических уровней, чем раньше? И стоило задать эти вопросы самому себе, как я почти сразу же стал находить на них ответы. А звучали они приблизительно так.

«Вспомни те 400 рад, которыми в детстве тебя облучили горе-врачи для лечения лишая, и ты почему-то остался жив».

«Вспомни, как в десятилетнем возрасте ты умирал от заболевания крови, о котором была извещена твоя мать, и которое, к удивлению врачей советского военного госпиталя в Берлине, так же внезапно прекратилось, как и возникло».

«Вспомни, как годом позже у тебя изо дня в день стала болеть голова, из-за чего ты был освобожден на три месяца от посещения занятий в школе с диагнозом «нейроинфекция», который, впрочем, так и не подтвердился».

«Вспомни, как к тебе много раз прилетал какой-то предмет, похожий на волчок, вращающийся вокруг своей продольной оси, с жалом-острием на конце, и как он норовил уколоть, и как пугал исходящим от него тонким свистом, от которого все тело становилось невесомым, а перед глазами появлялись странные видения. И ты пытался рассказать о них маме, а та только плакала от страха и вызывала «Скорую помощь», говоря диспетчеру, что у есына опять начался бред от высокой температуры».

«А помнишь литы Луганск, где тебе пришлось из-за доцента Б., казенного впоследствии твоим Хранителем на куче мусора, служить в армии командиром зенитно-артиллерийского взвода?»

Однажды субботним вечером ни с того, ни с сего тело заполнилось тяжелым жаром, голова превратилась в раскаленный чугунок, а столбик ртути в термометре, замерявшим температуру твоей подмышки, чуть не разорвал стеклянную трубку. И все это без каких-либо иных симптомов, обычно сопровождающих простуду, грипп, ангину, тиф, холеру, дизентерию или какую-то иную известную болезнь. Ты должен был, согласно Устава, вызвать врача, так как не имел права, будучи больным,

заступать на дежурство по части, но не вызвал, предполагая сделать это утром следующего дня, когда появится кашель, насморки, например, рвота и рези в желудке. Ты просто позвонил в свой полк и сообщил о том, что заболел и что пусть назавтра назначат дежурить другого офицера. А утром в воскресенье уже нельзя было вызывать врача на дом, так как ты опять был здоров как бык: ни жара, ни тяжести в голове. И никто бы тебе теперь не поверил, что ты тяжело болел никому неведомой болезнью всего несколько часов назад. Не поверил, конечно, и старший лейтенант, начальник медсанчасти полка. Он долго пытался тебя расколоть, чтобы ты признался в симуляции болезни с целью отлынивания от дежурства в воскресный день и даже потащил тебя в городскую поликлинику сдавать кровь на анализ, но был посрамлен, так как лаборант обнаружил огромное количество эозинофилов в твоей крови, обязательных спутников высокой температуры”.

«Вспомни и то утро, когда уже после окончания службы в армии тебе позвонили из другой, уже харьковской, поликлиники, и, удостоверившись, что ты являешься мужем Оли, сообщили о наличии в ее легком затемнения, похожего на опухоль. Оно было обнаружено на рентгеновском снимке в ходе медицинского обследования школьных учителей. Ты должен был убедить ее сделать повторную рентгенографию грудной клетки, а затем привести в кабинет онколога. Целых три дня ты носил в себе это знание, не в силах сообщить ей, панически боящейся рака, о диагнозе-приговоре. И за те три дня, в течение которых ты, тогда еще примитивный атеист, неистово молился Богу с просьбой о помиловании, внутренний холод съел шесть килограммов твоего веса и, как сам понимаешь, не ограничился этим, высвободив силу, о которой тебе и не грезило. На втором, контрольном, снимке Олиного легкого не было видно и следа затемнения, что просто потрясло лечащего врача».

«Так неужели же ты думаешь, что перемены, происходившие в твоём мозгу (а ты ведь сколько раз удивлялся непонятному потрескиванию внутри головы!) и во всем твоём организме в течение многих лет, были случайными и привели только к тому, что после сорока лет тебе стали ненужными шапка, шарф и перчатки даже в самые лютые морозы, и ты перестал болеть ангиной?».

Вряд ли бы мне пришло в голову отсчитывать девять месяцев назад от дня собственного рождения, чтобы выяснить, когда я был зачат, если бы однажды не обнаружил одну странную закономерность, связанную с датой 18 апреля. Так получилось (и без всякого с моей стороны вмешательства!), что именно в этот день (но в разные годы) вышел на телеэкраны Харькова первый выпуск моей авторской программы «Сами о себе»; началась

чем первый, получается результат, состоящий из начальной части натурального ряда и его зеркального отражения.

$$\begin{array}{r}
 1 \times 11 = 11 \\
 11 \times 111 = 1221; \\
 111 \times 1111 = 123321; \\
 1111 \times 11111 = 12344321; \\
 11111 \times 111111 = 1234554321; \\
 111111 \times 1111111 = 123456654321; \\
 1111111 \times 11111111 = 12345677654321; \\
 11111111 \times 111111111 = 1234567887654321; \\
 111111111 \times 1111111111 = 123456789987654321
 \end{array}$$

Знатоков теории чисел вряд ли удивит мой эксперимент с единичками, который можно продолжать и продолжать, получая в качестве осевой фигуры треугольника результатов утроенные, счетверенные и т.д. двойки, тройки...

$$\begin{array}{r}
 11 \times 1111 = 12221; \\
 111 \times 11111 = 1233321;
 \end{array}$$

Но ведь красиво?

Один умный человек, не помню точно, кто именно, может, даже это был сам Лев Николаевич Толстой, высказался в сочинении, посвященном вере в Бога, что адресует его тем, кого завораживает в своей непостижимости бесконечность ряда натуральных чисел. Остальных просил не утруждать себя чтением. Вот и я, удивляясь рождению порядка из хаоса, восхищаясь наличием связи между миром абстрактных цифр, букв, знаков и судьбой человека сочувствую тем, для кого это явление или неинтересно, скрытое маскировочной сетью очевидности, или воспринимается только как причудливая случайность.

62

— Понимаете, что такое стохастический резонанс? – спросил меня физик-теоретик академик И. Дмитренко. Я кивнул, показывая, что готов слушать дальше.

— Как! – вдруг бурно возмутился он. - У вас, физика по образованию, не вызывает возмущения такое абсурдное словосочетание?! Ведь это же чушь! Стохастика – случайность, хаос. А разве вы не знаете, что резонанс возникает, не на шуме, не на хаосе, а на регулярных гармонических частотах?

Мне не оставалось ничего другого, как признаться, что давно уже не отношусь к науке как к своду незыблемых правил и что в случайность вообще не верю, а, значит, допускаю существование стохастического резонанса.

И тогда, сменив свой, как оказалось, провокационный гнев на милость, Игорь Михайлович рассказал о некоем американском биологе, заметившим, что рыбки при кормлении в аквариуме иногда ошибаются и не с первого раза попадают ртом в приглянувшуюся дафнию. Заинтересовавшись природой увиденного и решив попробовать еще больше сбить их с толку, он стал пропускать через воду очень слабый нерегулярный, шумовой, электрический ток в уверенности, что число рыбьих ошибок при этом, конечно же, увеличится. Но каково же было его изумление, когда оказалось, что, наоборот, оно резко уменьшилось. Меткость рыб резко выросла. Они стали намного чаще хватать корм с первой же попытки. А позже подобные эффекты обнаружили и в других биологических системах. «Существуют даже экспериментальные данные,- рассказывал академик,- указывающие на то, что скорость решения человеком логических задач возрастает вовсе не от улучшения звукоизоляции кабинета. В комнате, где очень много разговоров и посторонних звуков, мышление становится намного более продуктивным и быстрым, чем в тишине. Вот это и есть стохастический резонанс, изучением которого с точки зрения теоретической физики я и занимаюсь с коллегами уже несколько лет».

Ну, вот и еще одно свидетельство того, что случайность – только иллюзия в нашем управляемом мире, подумал я.

63

Везде, куда ни глянь, виднеются ниточки всемогущего кукловода. И как тут не попытаться дернуть за них самому!

64

Впервые о Диогене я услышал в детстве, задолго до того, как прочел имя этого знаменитого философа в школьном учебнике истории. Приехавшая из Западной Украины мамина приятельница рассказывала о своих нерадивых студентах разные смешные истории, в том числе и о парне, захотевшем показать перед нею и однокурсниками свою необыкновенную образованность вообще и знание древнегреческого языка в частности. «Диоген жил и думал, - сказал он с апломбом, - вовсе не в бочке, как написано в книжке, а в пенисе!». Конечно же, мне было непонятно, отчего засмеялась мама, и потому я потребовал немедленных объяснений, из которых узнал, что тот студент просто перепутал название крупного

глиняного сосуда, именовавшегося в Греции пифосом, с немаловажной частью мужского тела.

Через много лет, когда я, студент физфака Харьковского университета, будучи в Крыму в составе подводной археологической экспедиции, искал останки древнегреческого корабля, который, судя по большому количеству античных амфор, поднятых со дна Черного моря в районе Херсонеса, потерпел там крушение более двух тысяч лет назад, мне вдруг несказанно повезло. На глубине около двадцати метров я заметил торчащий из-под песка толстый край какого-то глиняного сосуда. На откапывание находки ушло несколько минут и почти весь воздух из акваланга. И потому надо было срочно возвращаться наверх, туда, где на волнах покачивался привязанный веревкой к моему поясу белый пенопластовый буюк. Следя за ним из шлюпки, страхующие могли знать совершенно точно, где именно я нахожусь, чтобы в случае чего помочь подняться на поверхность.

Свой трофей я крепко-накрепко обхватил руками и стал всплывать. Медленно, потому что груз был нелегким. Честно говоря, я очень надеялся на то, что как только вынырну около буйка, меня сразу же втащат в лодку вместе с сосудом. Ведь пифос, а это был, несомненно, он (и кто знает, может, тот самый, в котором проживал некогда и сам Диоген Синопский), весил так много, что удержать его я мог лишь под водой.

Воздух кончился метров за пять до поверхности моря. Дышать стало нечем. Я выплюнул загубник бесполезного теперь акваланга и еще быстрее, чем прежде, замахал ластами. Как оказалось, наверху меня ожидали солнце, брызги волн и ...глубочайшее разочарование. Шлюпка исчезла. То есть, как я потом заметил, она все-таки была. Но где! От нее меня отделяла бесконечность, а не какие-то двести-триста метров, как это могло показаться со стороны. Даже бултыхая изо всех сил ногами, я не мог бы и полминуты остаться на плаву без чужой помощи. Двухпудовый пифос в руках и примерно такой же по весу акваланг за плечами. На поверхности моря он вдруг мгновенно превратился из верного друга в убийцу-утопителя. Ну, что я мог противопоставить силе земного притяжения? Пальцы разжались, и находка ушла на дно.

Когда шлюпка ко мне все же подошла, заряженных аквалангов в ней не оказалось, а значит и искать пифос, только что вернувшийся туда, где он пролежал два с лишним десятка столетий, было невозможно. Уже сидя на берегу, уже высказав горе-спасателям все то, что о них думал, я все еще чувствовал в руках тяжесть исторической керамики и клял себя за нерасторопность: упустил редчайшую возможность примерить на себя диогеново жилище, в котором этот первый на свете циник-космополит додумался до того, что предложил царям философствовать, а философам ради благоденствия мира - взяться за рычаги управления государствами.

Впрочем, когда рассуждения такого рода стали впоследствии занимать и меня, я с удивлением обнаружил, что расширять свое сознание лучше всего именно в пифосе. Только теперь его принято называть ванной. Там за час-другой почти неподвижного лежания в приятной теплой воде каким-то чудесным образом растворяется надетая на человека скорлупа, которая в обычных условиях не дает ему слышать глас Божий. (Творческие люди обычно зовут такое состояние вдохновением). Сказанное, само собой разумеется, проверено на собственном опыте. А то где бы я, например, мог догадаться об истинной роли пифоса в жизни Диогена Синопского? Конечно же, в ванне! Ясно, что он, никогда не затруднявший себя поисками укромного места даже для отправления естественных надобностей и предпочитавший делать это на публике, избрал глиняный таз не в качестве банального шалаша, чтобы укрываться под ним от солнца и непогоды, а для прилюдных философических медитаций во время смывания с себя слоев античной грязи.

65

Однажды поздним вечером, а точнее, ранней ночью, я лежал в теплой ванне, и мысли, отпущенные по такому случаю на полную свободу, уносили меня, куда хотели. Причем траектория наших полетов была настолько сложной и непредсказуемой, что напоминала перемещение НЛО в рассказах уфологов. То весь я в монтаже кинофильма, над которым тогда работал, то, зацепившись за воспоминание о последних днях и часах жизни отца, вел с ним давно начатый, но так и неоконченный разговор, то, провалившись в полудрему, вдруг выныривал оттуда с неведомо откуда взявшимся ответом на, кажется, никому еще не заданный вопрос. В тот раз мне внезапно пришло в голову, что неплохо было бы проверить, врут или нет авторы книжек по экстрасенсорике, когда утверждают, что каждый человек может набрать из Космоса столько целительной энергии, сколько в него поместится. По их мнению, надо лишь заставить себя просидеть сорок минут, крепко прижав одна к другой ступни ног, соединить в молитвенной позе ладони перед грудью и наполнять себя светом. Часов перед глазами не было, и потому, откровенно говоря, не знаю, сколько времени прошло от начала и до прекращения эксперимента, самой пикантной особенностью которого была очевидная невозможность объективно оценить его результат.

Ну, что?Получилось? - спросил я мысленно сам себя и, разъединив руки, внимательно посмотрел на них. Растопыренные ладони отбрасывали на белый корпус газовой колонки тени, похожие на олени рога. Сначала их кончики коснулись друг друга, потом по моему велению указательные пальцы потихоньку начали расходиться в разные стороны. И вот тут-то я почувствовал, что между ними есть что-то необычное. Это «что-то» как бы связывало пальцы между собой и при каждом их движении вызывало

«электрическое» покалывание в подушечках. И не только его! Расфокусированным зрением я заметил фиолетовое облачко. Оно слабо светилось между пальцами и даже слегка обволакивало их, меняя свою форму и плотность в зависимости от величины зазора.

Об этом случае я долго никому не рассказывал. И не только из боязни прослыть сумасшедшим. Просто сам я не очень-то поверил собственным глазам, на что, конечно, имелись и объективные основания. Статистика, королева научного подхода, была явно против тонкого мира. Еще очень долго то энергетическое облачко мне не удавалось больше увидеть, хоть руки мои чувствовали одна другую все лучше и лучше.

66

И кто только не замечал, что вряд ли стоит преувеличивать роль статистики при оценке истинности результатов эксперимента. То, что, как нам иногда кажется, произошло случайно, всего только раз, на самом деле происходит многократно.

Раз в микросекунду, в минуту, в день, в месяц? Или раз в миллиард лет? В последнем случае нам нелегко вести наблюдение.

67

Однажды, придя в редакцию литературно-драматических передач харьковского телевидения, где я в то время работал редактором, ко мне подбежала одна из наших ассистенток режиссера и выпалила скороговоркой, что у Зои Викторовны приступ, что весной у нее всегда болит голова, и что не просто болит, а зверски, до потери сознания, и что если вызвать «скорую», то та почти наверняка упечет ее в больницу, где таких, как она, держат не меньше месяца, а в плане у нас на два часа эфира больше обычного, и вообще непонятно, кто из редакторов будет сегодня на видеозаписи спектакля, так как кому-то же надо пойти на планерку вместо Зои Викторовны, раз она с приступом.

Та, о ком шла речь, казалось, ничего не слышала. Обхватив голову руками, она сидела за своим старшередакторским столом и смотрела замутненными глазами вовнутрь себя. Что ей там виделось, не знаю, но вряд ли оно имело хоть какое-нибудь отношение к названным проблемам. Болезнь ее называлась диэнцефальным синдромом и излечению практически не поддавалась. То есть нельзя сказать, что врачи отказывались иметь дело с такими больными. Наоборот, у них в арсенале были десятки и десятки видов таблеток, облаток, капель и ампул для внутримышечного, подкожного и внутривенного вливания. Они фаршировали ими пациентов, уложив тех предварительно на несколько недель в стационар. Рискну предположить, что

облегчение, которое в результате таких мер эти люди иногда получали, было обусловлено не столько лекарствами, сколько внезапным, шоковым, изменением обстановки. Ведь попадание в больницы советского времени (в обычные, а не в те, что предназначались для, так называемой, компартийной номенклатуры), с их тараканами, с переполненными палатами, с почти полным отсутствием санитаров и сиделок), иначе, чем шоком не назовешь.

Такую мысль мне подбросил врач с фамилией, начинавшейся на Ф., когда я привел к нему на прием свою жену, у которой, как и у Зои Викторовны, имелись все признаки диэнцефального синдрома или нейро-сосудистой дистонии, что по сути то же самое. Он сказал, что для нее лучше всего уехать на три-четыре денька куда-нибудь из нашего города, чтобы резко отвлечься от дома, от семьи, от работы. А когда услышал, как Оля призналась, что действительно очень любит всевозможные поездки, но, тем не менее, ужаснулась совету удрать, например, к друзьям в Москву, бросив на несколько дней своих учеников накануне экзаменов, Ф. воскликнул, что теперь он все понял и что нужен шок. И тут же стал спрашивать, хочет ли она в перспективе стать директором музыкальной школы или хотя бы руководителем отдела, опаздывает ли она на свои уроки, отлынивает ли от домашних забот. Получив в качестве ответа на все эти вопросы твердое «нет», он радостно заявил, что жена моя принадлежит к чрезвычайно неудобному для невропатологов и психотерапевтов людей («Назовем их типом «А»», - сказал он), которые характеризуются паталогической обязательностью в работе и чрезмерной верностью по отношению к близким людям, но что он знает, как помочь беде, и поэтому очень просит Олю выйти из кабинета и оставить его наедине со мной. Когда жена вышла в коридор, Ф. загадочно подмигнул мне и выдал рецепт. Устный. Он заключался в том, что в случае, если я действительно хочу жене добра, то должен подняться над условностями и втайне от нее найти ей любовника (лечебный шок!), поскольку только такое приключение может обеспечить для нее необходимую психологическую разгрузку. Потом он немного помолчал, вероятно, в ожидании моей радостной реакции и вдруг, хлопнув себя рукой по лбу, огорченно признался, что нет, не подойдет такое лечение для моей Оли, потому что люди типа «А» не способны наслаждаться связью с любовником из-за глубочайших, вплоть до суицидальной депрессии, переживаний по поводу возможных страданий мужа.

Возможно, наша телевизионная Зоя Викторовна тоже принадлежала к типу «А». Однако рецептом, полученным от Ф., я все же делиться с нею не стал, а предложил - чем черт не шутит? - попробовать метод лечения, о котором недавно прочитал в переведенной японского брошюре. Она кивнула в знак согласия, и я начал, как и рекомендовалось в том популярном пособии по шиатцу, поочередно нажимать пальцами на различные точки, расположенные на ее руках, шее и лице. Результат превзошел ожидания. Не прошло и пяти минут, как Зоя Викторовна уснула. Да так крепко, что я смог с помощью

зашедшего в тот момент в редакцию режиссера уложить ее, не разбудив, на диван. Там наш старший редактор и проспала целых три часа. А после того, как проснулась с явно порозовевшими щеками, она с испугом глянула на часы и побежала как ни в чем не бывало на планерку. «Скорая помощь» тогда не понадобилась. И более того, в тот год впервые за последние пять лет Зоя Викторовна не лежала в больнице.

68

Маленький козлик с витыми позолоченными рожками однажды подошел ко мне и нежно боднул прямо в лоб. Был бы я фараоном египетским во времена Иосифа Прекрасного, обязательно попытался бы узнать у знаменитого толкователя снов тайный смысл моего. В том же, что он был вещим, я не сомневаюсь.

69

С Диогеном Синопским меня связывает не только предрасположенность к философским размышлениям в пифосе-ванне, а и причисление себя к собачьему племени. Правда, Диоген называл себя «циником» или «киником», что по-гречески и есть «собака», для того, чтобы показать, как ничтожны его требования к бытовым удобствам (и якобы поэтому на его памятнике было установлено скульптурное изображение пса!), а я чувствую свою породненность с этими четверолапыми, скорее всего, просто из-за многолетнего совместного проживания в одной квартире с ними. Вначале появился пудель Ким, затем к нему присоединилась полуболонка-полутерььерша Лита. А потом эта сладкая парочка была вынуждена принять в свою компанию и Котика, чья дворняжья порода не вызывает ни у кого и тени сомнения.

Надо признаться, что хоть год моего рождения по восточному календарю и называется «годом Собаки», никаких особых чувств к многочисленным Лордам, Реям, Кингам, Тузикам и Шарикам я не питал до того дня, пока моя старшая дочка Маринка не купила за свои деньги крохотного одномесячного пуделька темно-шоколадного цвета и смело заявила при этом, что, поскольку она и учится в консерватории, и совмещает учебу с работой концертмейстера в Лицее искусств, то маленькой ее считать уже нельзя, а значит, могла бы и ребеночка в родительский дом принести, как это уже, между прочим, произошло со многими ее сверстницами, а не то, что щенка.

Забавный живой комочек во время ее страстного монолога каким-то непонятным образом переключался на мою ладонь и стал старательно лизать ее, чтобы добиться нужного для него решения. Невероятно, но это ему удалось. В Кима он превратился немного позднее, получив такую кличку за весьма музыкальное вытье во время исполнения женской половиной моей семьи различных фортепианных произведений: от Моцарта и Шопена до

вариаций на тему песен известного советского барда Юлия Кима, с которым Мариша в то время уже была знакома. Встретившись года через полтора с Ю. Кимом накануне съемок посвященной ему телепередачи из цикла «Сами о себе», я спросил, рад ли он тому, что у него в Харькове появился тезка. В ответ я получил не слишком восторженную улыбку, впрочем, расцененную мной как просьбу передать кучерявому Киму Младшему большой привет от уже лысоватого Старшего. И я выполнил ее с большим удовольствием.

Вторую собаку, через три года после первой, Марина привела к нам на дачу в Зеленый Гай, где мы обычно живем в летние месяцы.

- Всего на пару дней! Хозяева на улицу выкинули. Вот только отмою, подкормлю и постригу Белку, а потом сразу же отвезу в Харьков, где моя подруга прямо с руками оторвет такую красотку» - сказала она, предваряя мою возмущенную речь.

Как видим, аргументация была простой и убедительной. А в совокупности с молящим взглядом юной «красотки», похожей то ли на камбалу, обернутую грязной ватой, то ли на валенок с пушистым хвостом, ее доводы становились поистине неоспоримыми. Через день, в полном согласии с провозглашенной программой, Белка превратилась в такую очаровательную даму, что Ким, столкнувшись с нею нос к носу, если бы и имел дар речи, то наверняка потерял бы его в тот же миг. А через два дня наша гостья, благодаря тому же Киму, забеременела и приобрела в связи с этим статус особы «*pongrata*» для всех Маришиных подруг, из-за чего численность моего семейства увеличилась еще на одну единицу. Ведь прав был Антуан де Сент-Экзюпери, когда устами Лиса из своего «Маленького принца» напоминал приручателям об их ответственности за приручаемых. Вскоре экс-деревенская Белка получила новую кличку путем последовательных преобразований старой. Сначала из нее получилась городская Изабель, затем она помолодела до Изабелитты, а уже со временем сократилась и до удобной в обиходе просто Литы.

Все в жизни бывает, но я не думал, однако, что после образования собачьего тандема в моем доме, у кого-то могло хватить смелости предложить мне взять к себе еще какого-нибудь киника-циника. И тем не менее, это случилось. И все там же, на той же зеленогайской даче, где шесть лет тому назад ослепительно белая, благоухающая шампунем Литя, вскружила Киму голову и прочно привязала к себе не только его, но и всех нас.

Хорошо помню тот летний дождливый грозовой вечер, когда, вернувшись после работы из города на дачу, я услышал, как с веранды доносится пронзительный щенячий визг. Около старенького дивана сгрудилась многочисленная компания.

- Он плачет, - сказала трехлетняя внучка Жеська, стараясь заглянуть в пространство между диваном и стеной. - У него лапки болят.

Все вокруг подтвердили, что у щеночка, которого местная детвора притащила к нам с рынка, спасая якобы от грозы, скорее всего, повреждены лапы, потому что стоит только дотронуться до них, как от его вопля просто уши закладывает.

- Странно, молчит, а только что кричал, - удивилась жена, когда я вытащил из-за дивана белого (за исключением окрашенных в черный цвет половины головы и кольцеобразного пятна вокруг основания хвоста) короткошерстого кобелька с недавно прорезавшимися зубами.

На следующий день рано утром мы шли с дочкой Инной по направлению к рынку, что около железнодорожной станции, а в руках у меня была почти полностью застегнутая на «молнию» сумка, внутри которой находился щенок-симулянт и пакетик с приготовленной для него едой. Ни вылезти, ни выглянуть он не мог, да и не пытался. Вытряхнув вчерашнего визитера на траву около торговавшей зеленью старушки мы оставили его лакомиться кусочками котлеты, а сами вскочили в микроавтобус, направлявшийся в Харьков, говоря друг другу, что теперь хозяева беглеца наверняка увидят его и вернут на место и что вообще мир не без добрых людей.

Конечно же, я был абсолютно уверен в том, что двухмесячный щенок ни за что не сможет снова отыскать нашу дачу. Но ошибся. Весь мокрый, в грязи и прудовой тине, он добрался до нас за двенадцать часов и к тому времени, как я вернулся с работы, уже гонялся с веселым писком за Жеськой. Это занятие он бросил только для того, чтобы подойти ко мне и объяснить, что от судьбы не уйдешь, что нам надо жить вместе, что у нас с ним один ангел-хранитель на двоих и что не зря же тот вел его целых полтора километра с рынка до дачи и спасал от злых мальчишек, которые бросают маленьких собачек в пруд и швыряют в них палками и камнями. Не согласиться с ним и с судьбой я не мог, но в отместку за победу надо мной внес на семейный совет предложение назвать его Котиком, то есть именем, оскорбительным для любой собаки на свете, и оно было одобрено единогласно.

Однажды я услышал от астролога Наташи Д., что расположение планет в момент моего рождения дает ей основание рекомендовать мне никогда не останавливаться на полдороге, все доводить до результата, иначе, мол, придется начинать с нуля то же самое дело еще раз и в более тяжелых условиях. Но как понять, что ты уже на испытательной тропе? Как разобраться, попала ли тебе в руки никому не нужная веревка или это и есть путеводная нить? Да еще знать бы, какой она длины, и к чему привязан ее

конец: к взрывателю самоликвидатора или к началу следующего клубка? Помочь разобраться в этом могут только знаки свыше. Если их замечать, конечно.

Получив от своего Хранителя маяк-талисман в виде щенка по имени Котик, чей длинный упругий хвост, видимо, предназначался для меня в качестве дорожного указателя, я вдруг вспомнил, что на самом деле собаки вошли в мою жизнь вовсе не с очаровательным пуделем Кимом, которого сначала купила дочка Марина, а затем, уехав жить в Америку, оставила на наше с женой попечение, а намного раньше, с того злосчастливого момента, когда в поисках работы я попал в лабораторию доцента М.М., где исследовался метаболизм в организме живых существ, находящихся в состоянии травматического шока и где мне удалось получить должность инженера. Именно там, глядя в глаза обезумевших от страха дворняжек, я впервые усомнился в том, что слово «человек» звучит гордо. Из мальчишеского правила «лежачего не бьют», которого когда-то в моем детстве придерживался в нашем дворе даже такой отпетый хулиган, как Витька Л., вдруг исчезла частичка «не». Собак, отловленных гицелями на улице, сотрудники лаборатории помещали сначала в виварий, а потом одну за другой притаскивали поодиночке в операционную, укладывали мордой кверху на хирургический стол и по команде М.М. били: ломали лучшим друзьям человека задние лапы. Делалось это не вручную, а с применением техники. Тупой нож специально изготовленной гильотины надежно обеспечивал необходимый для монографии профессора М.М. травматический шок. Почему, думал я, сидя в такие моменты на своем рабочем месте, то есть за пультом многоканального кардиографа, эти сильные, закаленные в уличных схватках звери, чьи клыки в честном бою могут разорвать в клочья практически любого из нас, не только не пытаются вырваться на волю, а жалко поджав хвосты, отдаются во власть экзекуторов и как-будто даже помогают казнить себя? И почему, отчетливо сознавая свою причастность к творимому на моих глазах кошмару, я не останавливаю руку ученого палача, а отвожу глаза в сторону якобы для того, чтобы лучше видеть зубчики на кардиограмме подопытного животного? Так и не найдя достойных ответов, в конце концов я просто ушел от М.М. и его компании в самонадеянной уверенности, что больше никто и ничто не заставит меня проводить время в обществе каких бы то ни было собак, глядеть на их мучения и вообще быть сообщником осознанных собой преступлений.

И что же?

Тем самым я только обрек себя на многочисленные пересдачи несданного с первого раза экзамена на сопротивление злу, а что касается собачьего племени, то оно, в полном соответствии с законами кармы, вынудило и меня, и всю мою семью в течение многих лет делить с ним кров и пищу, ежедневно бороться с его шерстью, очищая от нее рот и нос, не говоря уж о коврах и одежде, а, кроме того, заставило бегать ночью по аптекам и больницам в поисках лекарств для стимуляции родов у Литы, для лечения глаз, ушей и

нервной системы Кима и даже помогать ветеринару Диме оперировать нашего рассеянного пуделя после того, как тот то подставлял свой бок безмозглой, но очень зубастой чау-чау, то оставлял кожу со своего уха в пасти пробежавшего мимо него пит-буля.

Нет, я не знал, какие новые испытания готовило для меня мистическое появление Котика, но оставить незамеченным маяк, показанный мне свыше, снова наступить на те же грабли, прервав очередной экзамен на зрелость, и лишиться себя возможности шагнуть на ступеньку, ведущую вверх, было невозможно. И судя по хитрому выражению морды бело-черного щенка, ему об этом было известно.

71

Оля-сестра то ли в шутку, то ли всерьез звала Олю Е. колдуньей и все уговаривала меня встретиться со своей новой знакомой. Некоторое время я сопротивлялся, так как не верил тогда ни во что ненаучное, но потом согласился. Ведь мне, журналисту с университетским дипломом физика, редактору телевидения, представлялась редкая возможность заглянуть на тайную кухню, где готовится опиум для народа, чтобы разоблачить мошенницу и преподать легковверным обывателям урок здравого смысла. Впрочем, к Оле Е. я так и не ходил. Она сама пришла к нам домой по приглашению сестры. За несколько минут разговора с этой рослой, помолодежнущей в джинсовый брючный костюм и не слишком красивой женщиной выяснилось, что она умна, образована, остра на язык и ничем не напоминает в свои тридцать с небольшим сказочную Бабу Ягу. После нескольких фраз по поводу мгновенно обнаружившихся общих знакомых, неработающего лифта в нашем подъезде и нового издания стихов Б. Пастернака, поэзию которого, как позже выяснилось, она избрала в качестве темы своей дипломной работы во время учебы на филфаке университета, я спросил, правду ли говорят о ее необыкновенных способностях. Не дослушав вопрос до конца, Оля Е. пристально посмотрела на мою жену, сидящую метрах в трех от нее, светло улыбнулась и сказала, что та может не волноваться, потому что проблемы, связанные с пятнадцать лет тому назад удаленным аппендиксом, уже, конечно, не грозят, но шов можно было бы хирургу сделать и поаккуратнее. Оля, как она потом мне говорила, хотела поправить гостью, но, сообразив, что с момента операции действительно уже прошло пятнадцать лет, а не меньше, как ей показалось сначала, запнулась. А об ужасающем качестве упомянутого хирургического шва я знал и сам. Каким образом увидела его наша гостья сквозь платье жены да еще на довольно большом расстоянии было непонятно, но факт оставался фактом, и вместо того, чтобы копить внутри себя яд скептического сарказма, я, пряча под полушутливым тоном свой самый что ни на есть искренний интерес, стал расспрашивать ее о том, как же она дошла до жизни такой. По словам «колдуньи» видеть цветные облачка вокруг людей она могла с

раннего детства, не думая, впрочем, что эта способность чем-то отличает ее от других. Во всяком случае, мысль о собственной уникальности не приходила Олечке Е. в голову до того, как в пятилетнем возрасте ей не пришлось однажды стать свидетельницей надолго запомнившегося происшествия.

Из мерцающей тревожными сполохами толпы, с ужасом наблюдавшей за малышом, который на глазах у всех медленно вываливался из окна четвертого этажа многоквартирного дома, вдруг выплеснулся мощный золотисто-зеленый луч и, почти полностью растворив в себе мальчика, мягко спустил его с высоты, чтобы живым и невредимым вложить в поднятые кверху руки людей. Народ ахнул, а Олечка Е. подошла к все еще светившемуся ярче других незнакомцу, источнику того луча-спасителя, и сказала, что ей очень понравилось, как он это проделал.

- Ты что, видела? - удивился тот.

- Конечно! - ответила девочка. - Все видели.

- Ну, уж и все! - улыбнулся мужчина и кивнул в сторону толпы, где шел яростный спор по поводу того, кто именно ухитрился поймать, а значит, и спасти падающего ребенка от верной гибели.

По-настоящему же видеть многокрасочный тонкий мир, сосуществующий с грубым вещественным, в деталях и в оттенках, Оля Е стала намного позже, после палаты реанимации, куда она угодила из-за коровы, в которую умудрилась врезаться на мотоцикле. Теперь у нее в голове появился свой особый экран, где, если постараться, можно было рассматривать изображение сердца, легких и любых других органов стоящего перед ней человека, чтобы по их цвету, форме и даже по неведомо как попадающей в подсознание дополнительной информации делать выводы относительно здоровья их владельца и способов его улучшения. Но интереснее всего ей было, как и в детстве, наблюдать исподтишка за аурами людей. Казалось, что эти зыбкие сгустки света ведут свою собственную жизнь, нисколько не заботясь о соблюдении правил, принятых в среде плотных организмов. Даже не пытаясь скрыть правду от наблюдателя, они - своим цветом, формой, подвижностью - выбалтывали ему то, о чем каждый из нас предпочитает не говорить на каждом углу. И потому, по словам Оли Е., ей, одаренной способностью понимать язык человеческих оболочек, так занятно бывало следить, например, за игривыми соприкосновениями тонких биоэнергетических вихрей любовников, сидящих по разные стороны праздничного стола, в то время как их плотные тела лживо любезничают со своими рогатыми супругами.

- А вам самому не приходилось кого-либо исцелять нетрадиционным образом? – вдруг ошарашила меня неожиданным вопросом Оля Е.

Я ответил, что да, приходилось, и вспомнил, как, ткнув несколько раз пальцем в лицо и шею больного, то есть применив технологию японского

шиатсу, мне удалось снять диэнцефальный приступ у старшего редактора телевидения Зои К. и привести в чувство актера Юрия Г., когда тот потерял сознание на видеозаписи спектакля.

Гостья засмеялась и спросила, провел ли я хотя бы с десяток лет в Японии, Китае или Тибете, изучая искусство определения мест акупрессуры, методы воздействия на «котлы» и «меридианы» человека, в которых по представлениям тамошних целителей, собирается и течет жизненная энергия, потому что в ином случае нечего даже думать о том, чтобы вылечить кого-либо их способами.

- Если же все-таки чудо исцеления произошло, в чем, собственно, я не сомневаюсь, - сказала Оля Е., - то не из-за того, что вы нажали пальцем или кольнули иглой тело человека, а просто потому, что это делали именно вы! В дальнейшем в подобных случаях можете лечить людей надавливанием на что угодно. Например, на ножку стула или стола. Я ведь вижу вашу ауру и утверждаю, что со временем вам будет по силам обскакать даже меня. Хотите, начнем с завтрашнего утра работать вместе?

И хоть в тот вечер мы перешли с «колдуньей» на дружеское «ты», я чувствовал, что обидел ее своим категорическим, хоть и облаченным в шутивную форму отказом. А с другой стороны, как я мог всерьез обсуждать предложение стать шарлатаном? Кому как не мне было знать, что я-то ауру не вижу? Но тайное желание соответствовать ее пророчеству, безусловно, появилось.

72

Однажды В.Ф. ворвался в вакуумную лабораторию, где я работал после службы в армии, и, пользуясь властью начальника отдела НИИ, велел мигом выключить всю аппаратуру, а нам всем, от заведующего до уборщицы, предложил исчезнуть часа на полтора, потому что директор института академик В. принимает сейчас делегацию во главе с самим Первым секретарем компартии Украины и членом Политбюро ЦК КПСС товарищем Щербицким и собирается вести ее туда, где испытываются элементы космических аппаратов, то есть прямиком к нам. А следовательно, надо убрать с глаз кагэбистов все, что пугает высокое начальство, то есть стучит, искрит, мигает, лязгает, а также несанкционированно смотрит, слушает, шепчется и дышит. В считанные минуты мы разбежались кто куда, оставив В.Ф. вдвоем с его заместителем ожидать судьбоносной экскурсии. Дело в том, что от впечатления о ней высокого гостя зависело, будет или нет реабилитирован наш академик после недавнего казуса с институтским секретарем парторганизации. Зачитывая на общем собрании постановление об усилении борьбы с пьянством, тот вдруг упал с трибуны, распространяя вокруг себя запах водочного перегара, а на следующий день в безумной

попытке хоть как-то оправдаться в глазах товарищей из ЦК, свидетелей случившегося, притащил справку из поликлиники о своем хроническом алкоголизме, чем окончательно добил и себя, и директора.

Не успел я сбежать по лестнице и десятка ступенек на пути из своего отдела на этаж, где работал мой давний приятель П., как сзади сначала раздался взрыв, потом потянуло дымом, послышался шум открываемого окна и вслед за ним звук удара об асфальт тяжелого предмета. Позже из рассказа В.Ф. выяснилось, что прямо перед приходом важных персон, впервые за всю историю отдела, ни с того, ни с сего, взорвался измеритель вакуума, для которого наше начальство сделало единственное исключение и оставило подключенным к электросети. Решение надо было принимать немедленно, и потому ценный прибор, дымя обгорелыми проводами, тут же улетел с помощью В.Ф. из окна лаборатории. А прискакавшие на подозрительный шум шавки из первого отдела удивленно крутили головами и шмыгали носами в попытке понять, что же это хлопало и горело, когда гореть и хлопать, вроде бы, и нечему.

Потом мы ходили с П., устроившим себе по поводу моего прихода внеочередной перерыв, взад-вперед по длинному темному коридору лабораторного корпуса, и говорили, не опасаясь быть подслушанными посторонними ушами, об абсурдности институтской да и вообще всей советской жизни, в которой практически всем правят тупоголовые гэбэшники сталинско-бериевской закалки, парторги-алкоголики учат трезвости интеллектуальную элиту страны, а академики ради удовлетворения любопытства какого-то прыща из ЦК идут на служебное преступление, выключая на целые полтора часа вакуумные насосы, протонный ускоритель иммитатор солнечного излучения и нарушают тем самым условия испытания космической техники, что чревато Бог весть какими последствиями. Вообще говоря, если быть точным, то автором и исполнителем этого монолога был я, а П. просто слушал и согласно кивал головой.

- А ты не боишься, - спросил он вдруг, - что на тебя настучат?

- Не понял, - сказал я.

- Ну, что о нашем разговоре узнают, где надо? От кого? От меня, например, - кисло улыбнувшись, предположил он и рассказал, что с неделю назад его вызвали в отдел кадров и оставили с глазу на глаз со щеголевато одетым человеком вполне интеллигентного вида, который сначала сочувственно удивлялся, отчего такой образованный и подающий большие надежды молодой специалист до сих пор не был за границей, в Париже, Лондоне или хотя бы в социалистической Праге в то время, как его сообразительные и очень преданные родине сверстники уже исколесили весь мир, а потом, когда П. притворился валенком и забубнил, что, мол, ему и в СССР неплохо отдыхается, когда время и деньги есть, товарищ из КГБ стал

откровенно стращать его картинами крайне безрадостного будущего, которое гарантировано в нашей стране всем, кто, не желает помогать органам в разоблачении скрытых антисоветчиков, которые нет-нет, а и встречаются в научной среде.

К удивлению П., я вдруг рассмеялся. Почему-то вдруг вспомнилось, как мне, студенту-второкурснику, попавшему за отцовские двести с чем-то рублей в туристическую поездку в Болгарию, удалось нейтрализовать руководительницу нашей группы, ставшей таковой, видимо, по причине ее чрезвычайной «сообразительности» и «преданности родине». Проходя поздно вечером по пляжу курорта Солнечный Берег в обществе симпатичной Ирочки из нашей тургруппы и профессора-юриста Героя Советского Союза С. с женой, я сначала услышал знакомый вульгарно повизгивающий голос, а потом уже увидел освещенную лунным светом и саму нашу мадам, разлегшуюся в предельно откровенной позе рядом с каким-то мужиком арабского вида. Торчащая из песка полупустая бутылка «Столичной» как нельзя лучше дополняла картину морального падения нашей надсмотрщицы.

- Добрый вечер! - сказал я ей, не дав своим спутникам удержать себя от такого дерзкого нападения на врага. – Как гуляется?

С того вечера и до самого возвращения в Харьков наша четверка наслаждалась невиданной по тем временам свободой передвижения на заграничной территории, ходила по ночным варьете, ресторанам и дансингам, не опасаясь попасть в черный список неблагонадежных. Его составительница хорошо понимала, что в случае чего нам было чем ей отомстить.

- А ты сам, - спросил мой приятель после того, как я объяснил причину своего внезапного веселья, - уверен, что, если тебя прижмут как следует, не станешь играть в их игры? Можешь со стопроцентной гарантией за себя поручиться?

- Так он что, вербанул тебя все-таки?

- Нет, - ответил П. – Но кто знает, что запоешь, когда и впрямь нож к горлу. Ты же не хочешь, к примеру, делать соавтором твоей статьи ни В.Ф., ни начальника КБ, ни его зама, а все равно впишешь их, хоть они и понятия не имеют, о чем она, да еще и впереди себя всех поставишь, потому что иначе ей ходу на ученом совете не будет. И все это, учти, добровольно, без выворачивания рук, без угроз увольнения с работы. Мы же, как пионеры: «Всегда готовы!».

Помню, как стало страшно от циничной прямоты этих его слов и как захотелось немедленно ответить на вызов, нет, не П., а того, еще неосознанного мной тогда, экзаменатора сверху, и доказать ему, себе, что врите, Павлика Морозова из меня не сделать. И поэтому, вернувшись в лабораторию, я сначала вычеркнул имена начальников из уже подготовленной для ученого совета статьи, тем самым возведя

непреодолимую стену на пути ее публикации, затем написал заявление об уходе из НИИ, в котором теперь мне не на что было надеяться, и на всякий случай мысленно отодвинул от себя на безопасное расстояние моего приятеля П., чье неожиданное признание в своей заранее прогнозированной слабости навсегда убило безоглядное доверие к нему.

73

Однажды отец, которого я звал по-украински «татком», рассказал мне о случае, когда его вдруг вызвали повесткой в харьковское отделение КГБ. И хотя приглашение в это грозное для всех советских людей учреждение, конечно же, не могло его особо обрадовать, он пошел в здание на Дзержинской почти без страха. Время на дворе было не сталинское, а раннее хрущевское, характерное тем, что власти уже начали проводить широкую кампанию по реабилитации жертв «культы личности» и освобождению политзаключенных из концлагерей, а к заполнению образовавшихся там вакансий еще не приступили. К тому же он надеялся, что ему, известному украинскому писателю-фронтовику, опасаться в общем-то нечего. Иначе зачем бы они несколько лет назад поощрили его госпремией по литературе?

Капитан, хозяин указанного в повестке кабинета, встретил отца доброжелательно-вежливо, сразу же объяснив, что речь пойдет о довоенном Харькове, в частности - о поэте по фамилии В., и предложил коротко отобразить морально-политический облик этого человека в письменной форме. Потом, когда бумага была готова, он быстро пробежал ее глазами, подошел к шкафу с какими-то папками и, роясь в них, сказал не без ехидства: - Ну, а теперь, уважаемый Игорь Леонтьевич, давайте сравним ваши сегодняшние показания о товарище В. с теми, что вы давали о нем же в 38-ом. Не забыли?

Тут, по словам отца, у него просто дух перехватило от ужаса. Во-первых, он совершенно не помнил, приходилось ли ему когда-либо говорить или писать о том писателе раньше. Во-вторых, если все-таки капитан не соврал, и если упомянутый им довоенный документ действительно существовал в природе, то что именно говорилось в нем о человеке, на которого партком союза писателей безусловно катил в то время большую бочку, он не помнил тем более. Но так или иначе написать гадость ни с того, ни с сего на хорошего человека?! Да не мог я такое сделать, убеждал он сам себя, потому что быть такого вообще не могло! Но... а если? А вдруг?!

- Да вы просто уникам у нас какой-то, - с неожиданным уважением в голосе сказал ему офицер, заглядывая попеременно то в написанную отцом свежую характеристику В., то в старую, только что вынутую из скоросшивателя.

- Видите, и тут, и там: «талантливый поэт», «пользуется авторитетом»... Слово в слово, как под копирку! Что тогда, что сейчас. И никакого компромата! А другие, тут их уйма была до вас, сначала человека

врагом народа называли, расстрелять просили, а теперь хвалят и каются: заблуждались, мол, искренне.

Я обнял отца и хотел было торжественно объявить, что горжусь его храбростью и порядочностью, но не успел.

- Самое интересное во всем этом, - сказал он, - что я тогда не только не обрадовался похвале гебиста, а прямо наоборот, - как-будто в дерьмо окунулся с головой. Хоть и знал вроде бы совершенно точно, что никого никогда не сдавал, ни на кого никогда не стучал и не собирался, все равно: а мог бы или нет в случае чего? В принципе – мог бы или нет? А если б пытали, как других? А если б семье грозили расправой? Мне просто повезло как всегда!

74

Ігор Муратов
Качиний монолог

Потомились ми з моїм мисливцем,
Він уже без ніг, а я — без крил...
Як там каченятау домівці?
Чомтакебезмов'янадовкіл?

Ми з моїммисливцем не спочили
І на мить відтоді, як почув,
Як відчув мої безшумні крила,
Йгеть лечу, світза очі лечу,
Виснажена летом-перелетом
(А услід, як вирок: не втече!),
Схованапечальним очеретом
Від убивчихкроків і очей.

Весело йому в йогомандрівці,
За останнюмить чіпляюсь я...
Потомились ми з моїм мисливцем,
Тількивтома в кожного — своя.

1966 р.

75

- Ты и впрямь считаешь, что тебе в жизни везет? - спросил я отца, помня о двух войнах, на которые пхнула его судьба, о немецком плене, съевшим

три года жизни вместе с зубами и здоровьем, о недавнем удалении злокачественной опухоли желудка.

- Еще как! - ответил он. – Я – как Колобок: какни трудно бывает, но и от бабушки, и от волка, и от онкологии умудряюсь пока удирать. Недаром же, мама говорила, в сорочке родился.

76

Знаю по собственному опыту, что почти невозможно поверить в то, что сам не испытал.

77

Ну, кто поверит моему рассказу о том, как в 1991-ом году в Карелии, незадолго до августовского путча в СССР и создания ГКЧП, мне удалось мысленно разогнать тучи и прекратить дождь, чтобы обеспечить приемлемые условия для видеосъемки сюжета о боевом применении харьковского патрульного самолета АН-72П?

Впрочем, скорее всего, читатель согласится с неопровержимой частью моей истории. Ведь есть мой фильм, снятый в Карелии на стрелковом полигоне вертолетного полка по заказу Харьковского авиационного завода. И бомбометание, и стрельбу из пушки, и пуск ракет воздух-земля, и тяжелые тучи, полные воды, сквозь которые самолет пикирует на цель, - все это наш оператор Михаил Земляной успел-таки снять до начала ливня.

Но как быть с мистической стороной этой были?

Ведь съемки состоялись только потому, что в ответ на Мишино нытье по поводу отвратительной погоды и на его ехидное предложение в мой адрес разогнать тучи часа на два, я разозлился и как можно более ярко представил себе, как ветер относит к горизонту черные тучи и в небе образуется огромная дыра, в центре которой проклевывается солнце. А через десять минут, когда мой мыслеобраз стал реальностью, мы начали работать.

Ну, кто из здравомыслящих людей не наделит меня после таких слов баронским титулом и именем знаменитого вруна Мюнхаузена?

И будет неправ.

То, что все было именно так, а не иначе, мог бы подтвердить сам Миша. Но, к сожалению, уже не может. 23 декабря 2002 года самолет, на котором он летел из Харькова в Исфаган, чтобы отснять видеосюжет о производстве там украинского АН-140, врезался в горный массив неподалеку от аэропорта назначения.

- Но почему, - иногда спрашивает кто-то, - в отличие от тебя я не могу ни вызвать дождь, ни прекратить его, когда захочется?
- А ты пробовал? - интересуюсь у скептика.
- Нет, конечно!
- Почему?
- Потому что это совершенно невозможно и ненаучно!

78

Подхожу я недавно к Пушкину и говорю:

- Здравствуйте, Александр Сергеевич! Не надоело ли вам гусиные перья в чернила макать? Вот вам ноутбук, принтер, электрогенератор, и пишите себе на здоровье хоть прозу, хоть стихи.

Так он меня чуть из дуэльного пистолета не прикончил за мракобесную мистику...

А что бы он сказал по поводу порно по телевизору?

79

Читаю:

"Объяснить происхождение жизни на Земле только случаем — это как если бы объяснили происхождение словаря взрывом в типографии. Невозможность признания, что дивный мир с нами самими, как сознательными существами, возник случайно, кажется мне самым главным доказательством существования Бога. Мир покоится на закономерностях и в своих проявлениях предстает как продукт разума — это указывает на его Творца".

Чарлз Дарвин (1809 - 1882), естествоиспытатель.

"Каждый серьезный естествоиспытатель должен быть каким-то образом человеком религиозным. Иначе он не способен себе представить, что те невероятно тонкие взаимозависимости, которые он наблюдает, выдуманы не им. В бесконечном универсуме обнаруживается деятельность бесконечно совершенного Разума. Обычное представление обо мне как об атеисте — большое заблуждение. Если это представление почерпнуто из моих научных работ, могу сказать, что мои работы непоняты... Напрасно перед лицом катастроф XX века многие сетуют: «Как Бог допустил?». Да, Он допустил: допустил нашу свободу, но не оставил нас во тьме неведения. Путь познания добра и зла указан. И человеку пришлось самому расплачиваться за выбор ложных путей".

Альберт Эйнштейн (1879 — 1955), физик.

"Еще настанет день, когда будут смеяться над глупостью современной нам

материалистической философии. Чем больше я занимаюсь изучением природы, тем более останавливаюсь в благоговейном изумлении перед делами Творца. Я молюсь во время своих работ в лаборатории".

Луи Пастер (1822 — 1895), химик, биолог.

"Я не могу понять ученого, который не признавал бы Высшего Разума во всей системе мироздания, равно как и не мог бы понять богослова, который отрицал бы прогресс науки. Религия и наука являются сестрами".

Вернер фон Браун (1912 — 1977), физик, один из основоположников космонавтики, руководитель американской космической программы.

"Я вынужден думать, что существует нечто подобное сверхъестественному началу моего уникального, сознающего себя духа и моей уникальной души... Идея сверхъестественного творения помогает мне избежать очевидно нелепого умозаключения о генетическом происхождении моего уникального "я".

Из лекции нейрофизиолога Джона Эклза (род. 1903) во время получения им Нобелевской премии.

"Я не могу представить себе Вселенную и человеческую жизнь без какого-то осмысляющего начала, без источника духовной «теплоты», лежащего вне материи и ее законов. Вероятно, такое чувство можно назвать религиозным".

Андрей Сахаров (1921 — 1989), физик.

Голоса расширяющегося сознания.

80

А вот голос суженного сознания:

"Я являюсь атеистом и считаю, что религия - это архаизм двухтысячелетней давности и современный человек, по-моему, вообще не может быть религиозным".

"Пытаться почерпнуть из Библии или других сочинений, созданных в седой древности, какие-то ответы на естественно-научные вопросы современности представляется просто абсурдным".

Виталий Гинзбург, физик, лауреат Нобелевской премии.

Однажды я получил из Израиля письмо, в котором Ривка, моя хорошая знакомая, процитировала взятое из Интернета письмо Альберта Эйнштейна своей дочери. Вот оно:

«Когда я предложил Теорию Относительности, очень немногие понимали меня, и то, что я открою тебе сейчас для передачи человечеству, тоже будет сталкиваться с непониманием и предрассудками в мире.

Я прошу тебя сохранить письмо так долго, как это необходимо — года, десятилетия, пока общество не будет достаточно развито, чтобы принять то, что я объясню ниже.

Существует очень мощная Сила, которой до сих пор наука не нашла официальное объяснение. Это Сила включает в себя и управляет всеми остальными явлениями, работающими во Вселенной. Эта Вселенская Сила — ЛЮБОВЬ.

Когда ученые искали единую теорию Вселенной, они забыли самую мощную невидимую силу. Любовь есть Свет, который просвещает тех, кто даёт и получает его. Любовь — это притяжение, потому что это заставляет некоторых людей чувствовать влечение к другим. Любовь — это сила, потому что она умножает лучшее, что в нас есть, что мы есть, и позволяет человечеству не быть погруженным в слепой эгоизм. Для Любви мы живем и умираем. Любовь есть Бог, и Бог есть Любовь. Эта сила все объясняет и дает смысл жизни. Это переменная, которую мы игнорировали слишком долго, может быть, потому, что мы боимся Любви.

Чтобы понять Любовь, я сделал простую замену в своём самом известном уравнении. Если вместо $E = mc^2$, мы признаем, что энергия для исцеления мира может быть получена через любовь, умноженную на скорость света в квадрате, мы приходим к выводу, что любовь является самой мощной Силой, потому что не имеет пределов.

Возможно, мы еще не готовы, чтобы сделать «бомбу любви» — достаточно мощное устройство, чтобы полностью уничтожить ненависть, эгоизм и жадность, все то, что опустошает планету. Тем не менее, каждый отдельный индивидуум несет в себе небольшой, но мощный генератор любви, энергия которого ждет своего освобождения. Когда мы учимся давать и получать эту энергию универсума, дорогая Lieserl, мы подтверждаем, что любовь побеждает все, и способна преодолеть все, потому что любовь — это квинтэссенция жизни.

Я глубоко сожалею, что не смог выразить то, что находится в моем сердце, которое тихо стучит для тебя всю жизнь. Может быть, это слишком поздно, чтобы извиниться, но время — относительно. Я должен сказать тебе, что я люблю тебя и, благодаря тебе, я получил окончательный ответ!

Твой отец Альберт Эйнштейн»